

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ВЫПУСК №28

Российский химико-технологический
университет имени Д.И.Менделеева

МОСКВА
2009

**Исторический вестник
РХТУ
им. Д.И. Менделеева
№ 28 (3) 2009 г.**

*Учредитель
Российский
химико-технологический
университет
им. Д. И. Менделеева*

Номер готовили:
Жуков А.П. - отв. редактор,
Денисова Н.Ю. -
отв. секретарь

Мнение редакции может не
совпадать с позицией авто-
ров публикаций

Перепечатка материалов
разрешается с обязатель-
ной ссылкой на «Историче-
ский вестник РХТУ им. Д. И.
Менделеева»

Верстка *Т. Г. Кузнецова*
Обложка *А. В. Батов*

Отпечатано на ризогра-
фе. Усл. печ. л. 5,0. Тираж
200 экз. Заказ

**Центр истории РХТУ
им. Д. И. Менделеева
и химической технологии**

Адрес университета:
125047 Москва,
Миусская пл., дом 9.
Телефон для справок
8-499-978-49-63

© Российский химико-
технологический универси-
тет им. Д.И. Менделеева,
2009

Содержание

КОЛОНКА РЕКТОРАТА

К ЧИТАТЕЛЯМ ИСТОРИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА 3

ВЫПУСКНИКИ

**ЖОРЖ КОВАЛЬ:
СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ В МЕНДЕЛЕЕВСКОМ** 5
А.П. Жуков

ПУБЛИКАЦИИ

**О ДОБЛЕСТИ, О ПОДВИГЕ, О СЛАВЕ...
ПАРАДОКСЫ СУДЬБЫ ГЕРОЯ РОССИИ ЖОРЖА КОВАЛЯ** 13
Ю.А. Лебедев

ВОСПОМИНАНИЯ

КОРОТКИ ВСТРЕЧИ НА ЧИСТОМ СНЕГУ 30
В.И. Якушев

«... КОГДА ОНИ ЕСТЬ В НАСТОЯЩЕМ...» 32
Г. Г. Каграманов

ИСТОРИЯ ХИМИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

GEORGE KOVAL : ATOMIC SPY UNMASKED 34
by Michael Walsh

ДОКУМЕНТЫ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РФ 4

ПУБЛИКАЦИИ ИЗ «МОСКОВСКОГО ТЕХНОЛОГА» 1934-35 ГГ. 41

Уважаемые коллеги и друзья Менделеевки!

Вы держите в руках очередной номер «Исторического вестника РХТУ», посвященный менделеевцу. Герой номера – Герой России, участник «Атомного проекта СССР», чья самоотверженная работа долгие десятилетия была покрыта завесой тайны. Известно, какого изнурительного напряжения стоила нашей стране реализация этого проекта. Разрушенная фашистами из Европы, голодная страна сверхусилиями, в сверхкороткие сроки предотвратила смертельную угрозу атомного удара по нашим городам и весям. Менделеевцы – сейчас можно назвать имена сотен - работали на разных участках «Проекта»: от научных исследований до всех стадий производства.

Сегодня стал достоянием истории и неоценимый вклад Героя России Жоржа Абрамовича Коваля, чья жизнь - это ожившая легенда. Коренной менделеевец – выпускник ТНВ (1939 г.), аспирант (руководитель проф. И.Н. Кузьминых), преподавал (ТНВ, ОХТ), руководил курсом, аспирантами (ОХТ), занимался партийной и общественной работой. Имя его младшего брата Гейби Коваля (выпуск 1941 г.), отдавшего жизнь за Родину, в памяти менделеевцев.

Жизнь и дела Ж.А. Коваля достойны уважения и памяти потомков.

*Президент РХТУ
Саркисов П.Д.*

*Ректор РХТУ
Колесников В.А.*

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О присвоении звания
Героя Российской Федерации
Ковалю Ж.А.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, присвоить звание ГЕРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КОВАЛЮ Жоржу Абрамовичу (посмертно).

Президент
Российской Федерации В.Путин

Москва, Кремль
22 октября 2007 года
№ 1404

ЖОРЖ КОВАЛЬ: СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ В МЕНДЕЛЕЕВСКОМ (1934 – 1939)

К. Т. Н. Жуков А. П.

Свое очередное тысячекилометровое «путешествие» по делам, 20-летний паренек родом из Сью Сити (штат Айова) совершил в июле 1934 г. по маршруту Биробиджан – Москва. Цель поездки, говоря анкетным языком 20 века *деловая* – поступление в Московский химико-технологический институт имени Д.И. Менделеева (Менделеевский, Менделеевка, иногда фамильярно-Менделавочка). Как гласил студенческий фольклор (на мотив старинной студенческой песни «через тумбу-тумбу раз...»):

*На Миусской институт
Менделавочкой зовут.*

Как доехал до Москвы, гадать не надо – на поезде (иначе невозможно). В довоенном советском кино поездка по железной дороге с Дальнего востока (туда или обратно) – одна из любимых декораций популярных фильмов: «Девушка с характером», «Поезд идет на восток» и др. Добирался с Комсомольской площади до Миусской, конечно же трамваем, самым популярным московским транс-

портом 1930-х. Знаменитое московское метро, в строительстве которого участвовали сотни менделеевцев, еще не действует, а станция «Новослободская» войдет в строй после войны...

В Менделеевке 1934 года были следующие факультеты: общетехнологический, где работали со студентами двух первых курсов, органической технологии, минеральной технологии (позднее были вновь объединены), силикатный, вечерний. В 1934 г. году была восстановлена работа инженерно-химического факультета. Наш абитуриент Жорж Коваль (1913 г. р.) выбрал как будущую специальность *основную химическую технологию*. Знал ли он при поступлении, что руководит кафедрой коренной дальневосточник, профессор Н.Ф. Юшкевич? Неизвестно. Наряду с копией метрики о рождении и копией личной карточки студента Университета штата Айова (см. ИВ №3 2001 г.), абитуриент заполнил опросный лист для поступающих в МХТИ им Д.И. Менделеева из 22 пунктов (см. стр.6).

С позиции будущего Героя Российской Федерации подчеркнем лишь один пункт ответов в опросном листке:

10. Отношение к воинской повинности и участие в гражданской войне – прочерк...

Как следует из Испытательного листка (см. стр.7), из семи вступительных экзаменов абитуриент (из рабочих) Коваль Ж. А. (так в тексте) сдавал лишь четыре.

На обороте документа председатель приемной комиссии А.П. (вероятно, Александр Писецкий) напишет: «Карточку принять без оце-

 <p>Место печати</p> <p><i>Коваль Ж. А.</i> Минусинский студент</p>	<p>«Все студенты обязаны сдавать экзамены за полный курс каждого предмета вошедшего в учебные планы, а также сдавать зачеты по практическим работам после того, как данный курс прослушан студентами полностью.</p> <p>Экзамены по сложным предметам, имеющим самостоятельные разделы, производится по частям, но не чаще чем два раза в год.</p> <p>Экзамены производится профессорами и доцентами (ведущими соответствующие лекционные курсы), утвержденными в этом звании.</p> <p>Вести по всех высших учебных заведениях единый студенческий билет и единый матрикула (зачетная книжка). В матрикула заносится все предметы, обязательные для прохождения, и занисся о сдаче экзаменов и зачетов.</p> <p>Отмечать в матрикуле сдачу экзаменов и зачетов и представлять отметки имеет право только профессор, проиозвавший экзамен и доцент, принимавший зачет.</p> <p>Установить во всех высших учебных заведениях следующие степени оценки успеваемости студентов (отметки): 1) неудовлетворительно, 2) удовлетворительно, 2) отлично».</p> <p>Из постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 23/VI-1936 г. («О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой»).</p>	<p>СССР-НКП</p> <p>Московский Химико-Технологический Институт им. Д. И. Менделеева</p> <p>ЗАЧЕТНАЯ КНИЖКА № 064633</p> <p>Фамилия, имя, отчество <i>Коваль Ж. А.</i></p> <p>Факультет <i>общетехнологический</i></p> <p>Поступил (переведен) на _____ курс из _____</p> <p>Зам. директора по учебной части _____</p> <p>Декан факультета <i>И. Писецкий</i></p> <p><i>2.11.37г.</i> (дата выдачи зачетной книжки)</p>
--	--	--

Опросный лист для поступающих в МХТИ им. Д.И. Менделеева	
1. Фамилия, имя, отчество	<i>Коваль Жорж Абрамович</i>
2. Пол	<i>мужч.</i>
3. Год, месяц и число рождения.	<i>1913 год, 25 декабря</i>
4. Национальность	<i>еврей</i>
5. Который раз подает заявление в ВУЗ.	<i>первый</i>
6. Семейное положение (кол. членов семьи, находящихся на его иждивении)	<i>один</i>
7. Профессия и специальность	<i>слесарь</i>
8. Сколько лет, месяцев, в качестве кого, где и в каком производстве или учреждении работал и работает.	<i>13 месяцев член с/х коммуны «Икор» (Евр. автоном. область.) 2 месяца - шофер пересел. пункта, 3 месяца на строительстве, 5 месяцев – слесарь в мехмастерской.</i>
9. В каком профсоюзе состоит членом, с какого времени и номер членского билета.	<i>чл. профсоюза строителей с мая 1934г. чл. б. №18/38292</i>
10. Отношение к воинской повинности и участие в гражданской войне (сколько времени и в качестве кого).	-----
11. Образование (общее, специальное, закончено ли, если не закончил то указать в каком объеме получено образование.)	<i>Кончил 2 курса института инженеров – электриков в гор. Айова Сити (США).</i>
12. Постоянное местожительство.	<i>Еврейская автономная область, гор. Биробиджан.</i>
13. Кем командирован (в случае, если направлен в ВУЗ в порядке командировки).	-----
14. Партийность в настоящее время (время поступления и № ..... билета.)	<i>беспартийный.</i>
15. В каких политических партиях состоял прежде	-----
16. Общественный стаж (работа в советах, кооперативах, профсоюзах, партии и т.д.)	<i>В США 3 года работал в союзе безработных. В Биробиджане 2 года работал в культкомиссии, редколлегии стенгазеты.</i>
17. Социальное положение родителей до конца 17 г., после 1917 г. Указать сколько времени, в качестве кого, на каком предприятии работал.	<i>Отец до и после 1917 г. (до приезда в Биробиджан) - плотник. С 1932 года член комунны «Икор».</i>
18. Не лишен ли избирательных прав (он и его родители).	<i>Нет</i>
19. Материальное положение родителей (какое имущество имеют, какой заработок.)	<i>Имеют корову, свинью.</i>
20. На какие средства живет подавший заявление (получаемый им оклад на службе или работе и т.д.)	<i>На собст. заработок - 250 руб. в месяц.</i>
21. Адрес, по которому могут быть возвращены документы.	<i>Москва, Б. Сухаревский пер., д. №21 кв. 15 (Погребняку)</i>
22. Дата заполнения опросного листа.	<i>31 июля 1934 г.</i>

Правильность сведений подтверждаю **Жорж Коваль**

Испытательный листок №8

1. Фамилия *Коваль Ж.А.*
2. Соц. положение *рабочий*
3. Партийность *б/п*
4. Образование *среднее*

Справка.

Студент III курса Моск. Хим.-Техн. и-та Коваль Ж.А. имеет следующие оценки успеваемости по предметам:

I семестр

1. Математика ОТЛ.
2. Физика ОТЛ.
3. Полит. эконом. ХОР.
4. Неорг. химия ОТЛ.
5. Начерт. геом. ОТЛ.
6. Черчение ОТЛ.
7. Немецк. язык ОТЛ.

II семестр

1. Математика ОТЛ.
2. Физика ОТЛ.
3. Неорг. хими ОТЛ.
4. Теор. механ. ОТЛ.
5. Черчение ОТЛ.
6. Немецк. язык. ОТЛ.
7. Воен. дело ХОР.

III семестр

1. Математика ОТЛ.
2. Диамат ОТЛ.
3. Качеств. анализ ОТЛ.
4. Сопромат ОТЛ.
5. Теор. механ. ОТЛ.
6. Немецк. язык ОСВ.
7. Орг. химия. ХОР.
8. Воен. д.: ВХД - ХОР. артиллер. - ОТЛ.

IV семестр

1. Орг. химия - ХОР.
2. Термодинамика ОТЛ.
3. Сопромат ОТЛ.
4. Колич. анализ. ОТЛ.
5. Детали машин ОТЛ.
6. Эконом. полит. ОТЛ.
7. Техн. и. вод и топ. ОТЛ.
8. Немецк. язык ОТЛ.

ЗАМ. ДЕКАНА Ф-ТА:

/Писецкий/

СЕКРЕТАРЬ:

/Янукович/

	Предмет	Оценка (четырёх об'ем)	Подпись преподавателя
1	Математика (письменная работа)	Уд.	
2	Математика (устная)	Удовл.	
3	Физика	Хор.	
4	Русский яз. (письменная работа)		
5	Русский яз. (устн.)		
6	Обществоведение		
7	Химия	Удв.	
8	Естествоведение для лиц, не имеющих образ. В объеме 9-тилетки и рабфака.		

Секретарь комиссии
Председатель комиссии

нок по обществоведению и русскому языку, т.к. товарищ слабо владеет русским языком.»

18. VII. Подпись

Четко видно, что физику «принимала» В. Иевлева. Кто «принимал» экзамены по математике и химии, пока не ясно (не удастся идентифицировать подписи).

Оценки (четырёх об'ем) означает ли что высшая оценка «хорошо»?

Первое «заявление» новопеченного студента Жоржа А. Ковалья традиционно для студента довоенного и, пожалуй, послевоенного времени:

Секретариат Общетеchnологического факультета от Жоржа А. Ковалья студента I семестер

Заявление

Настоящим прошу выдать мне стипендию так как не имею других средств к существованию. Настоящее время живу в общежитии. Прошу не отказать.

Коваль Ж.А. 2/IV/34

Стипендия, стипендия – как же иначе прожить московскому студенту 1930-х. Обращает внимание форма заявления в «Секретариат» (секретариат) и проч. Идет постепенное освоение русского языка – письменным русским Ж.А. будет владеть строго по прописям. Лично мне, автору этой статьи, он впоследствии будет ставить в статьях запятые (синтаксис).

Неясно назначение (куда, кому, с какой целью) следующего архивного документа: «Справка» от 9/VII/36.

Самый простой вариант ответа – справка необходима для введенного Постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП (б) от 23/VI-1936 г. («О работе высших учебных заведений и руководстве высшей школой») единого матрикула (зачетной книжки). «В матрикул заносятся все предметы, обязательные для прохождения, и запись о сдаче экзаменов и зачетов. Такая книжка за №064633 будет выдана Ковалю Ж.А. от имени зам. директора по учебной части (подпись неразборчива) 2.VI. 37 г. (см. стр.5).

Интересно для биографии Жоржа Ковалю, уже студента технологического факультета, заявление от 15/IX/-37 г. Заявление третьекурсника декану технологического факультета вроде бы рутинное, но информация интересная есть: «*т.к живу с женой студенткой и материальной помощи не имею*». Виза размашиста: «Зачислить 135 р.» Подпись неразборчива.

«В 1936 г. женился на студентке МХТИ Ивановой Л.А.,» - напишет Жорж Коваль в своей автобиографии 15 ноября 1938г. (И.В. 3/2001. с, 32).

Печально известные события 1937 года коснулись молодой семьи: «арестована двоюродная сестра жены: (1937 г.) – в связи с этим я получаю выговор из комсомольской организации, потом снят райкомом.» Об «атмосфере» 1937 г. у нас на Миусах можно судить по статье «Против показной бдительности в газете «Московский технолог» 18 февраля 1938 г. : «Студент Н. Жук (из потока Ж.А.) был исключен из ВЛКСМ за

потерю политической бдительности», выразившуюся в том, что не сумел разоблачить оказавшегося врагом народа своего тестя, которого видел один раз. Была исключена из рядов ВЛКСМ одна комсомолка за потерю политической бдительности по отношению к подруге, арестованной органами НКВД. Дело было так: эта комсомолка училась в одной группе (а там учатся еще десять студентов) с указанной студенткой. После перехода на учебу на факультет 138 комсомолка поехала за своими книгами к этой студентке и застала ее как раз в момент ареста органами НКВД. Приехав в институт, комсомолка тут же заявила об этом в комитет ВЛКСМ. Последний же, не проверив фактов связи, в тот же день исключил ее из рядов ВЛКСМ. Это называется «чуткий подход к человеку...»

Зачетная книжка № 064633 от 2.VI. 37.г. позволяет вспомнить о преподавателях Менделеевки, чьи уроки, занятия, свою педагогическую чуткость, да и премудрость воспринял наш славный предок.

6 семестр 1937 г.

Практические занятия:

1. *Теплотехника.лаб.22 ч.*
- нет записи
2. *Электротехника*
- нет записи
3. *Общ. хим. техн.*
- нет записи
4. *Физическая химия 10 ч.*
- **Прейс**. отл.2/VII/37 г.

Елизавета Михайловна Александрова - Прейс. (1898-1978). Окончила 2-й МГУ. Первый аспирант кафедры

физической и коллоидной химии (руководитель - профессор П.П. Песков). В Менделеевке с 1929 г. Любимица студентов-менделеевцев многих поколений.

5. *Иностр. язык.*

- нет записи

6. *Физкультура.*

- нет записи.

7. *Лабора. орг. химия*

Белов В.Н.отл. 9/VII/37г.

Владимир Николаевич Белов (1900-1963). Выпускник МВТУ, ветеран гражданской и Великой Отечественной войн, профессор. Ветеран Менделеевки. В 1933 г. по приглашению профессора П.П. Шорыгина перешел на кафедру органической химии МХТИ, где трудился до конца своих дней. Заведующий кафедрой и декан факультета ТОВ.

8. *Проект теплотехника -*

Краснопольский -

отл. 4/VII/-37 г.

В.В. Краснопольский – профессор. В МХТИ заведовал кафедрой теплотехники. Перешел в МИХМ. Вероятно, как было широко распространено, работал в МХТИ по совместительству.

Теоретический курс:

1. *Теплотехника 88ч.*

Власов отлично 29/VII/37г.

Владимир Иванович Власов- доцент. Выпускник МХТИ (1930) г. Основатель династии Власовых в Менделеевке. Работал на кафедре теплотехники. Заведующий кафедрой техники безопасности в 1960-х годах.

2. *Электротехника*

-нет записи.

3. *Общая хим. технол.***Федоров Н.Е.**

отл.21VII/37г.

(процессы и апп)

Николай Евстигнеевич Федоров (1901- 1974). Выпускник МХТИ (1930 г.) Вел раздел «Процессы и аппараты» в рамках курса «Общей химической технологии». Профессор и доктор технических наук, декан и заведующий кафедрой оборудования мясокомбинатов Московского технологического института мясной и молочной промышленности.

4. *Физическая химия*

-нет записей

5. *Диамат*

-нет записей.

**7 семестр
1937/1938 уч.год**

Теоретический курс

(вероятно, опечатка - правая сторона зачетки всегда - практические занятия.)

1. *Насосы и компрессоры*
23ч.

Беляков. Зачет. 25/I/-38 г. В. Беляков - информация об этом преподавателе отсутствует.

Теоретический курс:

1. *Ленинизм* –**Востриков.** отл.

17/I/- 38 г.

.....Востриков - информация о преподавателе ленинизма на сегодня отсутствует.

2. *Коллоидная химия-66ч.***Авербух.** Отл. 23/XII/37 г.

Самуил Борисович Авербух -доцент, декан заочного факультета. Как преподаватель великой (общей) кафедры физхимии 1950-1970- х годов (заведующий С.В. Горбачев)

известен многим поколениям менделеевцев. Из воспоминаний: «В 1930-м году я закончил Киевский политехнический институт и был принят в аспирантуру в Пищевой институт, где должен был одновременно читать курс коллоидной химии». 30 ноября 1931 года мне предложили поехать как аспиранту на стажировку. Принять решение мне помог профессор И.А. Тищенко. С тех пор я работаю в Менделеевском институте». («Менделеевец» №38/1970)

3. *Процессы и аппараты*
58ч.**Федоров Н.Е.** отл. 5/I - 38

г.

4. *Химическая термодинамика* 60 ч.**Казарновский** отл. 23/I -

38 г.

Казарновский – один из учеников основателя научной и научно-педагогической школы «Технология неорганических веществ» профессора Н.Ф. Юшкевича. Профессор читал традиционный для ТНВ–шников спецкурс «Химической термодинамики» (в фольклоре «Хим.дым», в 1960-е курс вел С.Б. Авербух).

5. *Спец. технология серной кислоты и солей* 108 ч.**Шульц** отл. 11/IV - 38 г.

Владимир Николаевич Шульц (1890-1940) - выпускник Московского Коммерческого института (1916 г.). с 1925 г. Преподает в Менделеевке. После ареста по ложному навету проф. Н.Ф. Юшкевича (1938 г., январь) возглавил кафедру «Основной химической промышленности» (ТНВ). Профессор, доктор химических наук. Ушел из жизни в 50 лет – 1937-й год

ох как сказался.

8 семестр 1938 г.

Теоретический курс -

1. *Техника безопасности*
2. *Противопожарная безопасность***С. Чиркин** отл. 25/II - 38 г.

С. Чиркин – доцент, один из первых преподавателей и организаторов курса и кафедры «Техника безопасности химических производств».

3. *Экономика химических производств***Калмыков** отл. 28/V - 38 г.

Николай Николаевич Калмыков (1903-?) - выпускник МХТИ (1931 г. – первый выпуск экономического факультета). Доцент, заведующий кафедрой «экономика химической промышленности». Государственный деятель.

4. *История химической технологии*– **Осипкин** отл. 3/VI - 38 г.

Информации о преподавателях курса «История химической технологии» - нет.

5. *Технология криогенных процессов*6. *Технология связанного азота* - –128 ч.**Торочешников** отл.

15/VI -38 г.

Николай Семенович Торочешников (1909-1996) – выпускник МХТИ (1931г.). Ветеран и заведующий кафедрой ТНВ, после войны занимался с Ж.А. исследованием криогенных процессов.

7. *Минеральные удобрения* – **Фогт** отл. 26/VI 38 г.

Фогт – доцент кафедры основной химической техно-

логии. На кафедру его пригласил Н.Ф. Юшкевич.

8. Технология щелочей

– **Шокин** отл. 22/VI 38 г.

Иван Николаевич Шокин (1898-1973) – выпускник МХТИ (1927 г.). Оставлен для преподавательской работы Н.Ф. Юшкевичем. В 1937 г. Подвергся резкому политическому давлению за отказ «участвовать» в осуждении, как врага народа, профессора Н.Ф. Юшкевича, своего учителя. «Шокин умывает руки» - так «Московский технолог» описывает события тех давних жестких дней и людских отношений.

Иван Николаевич Шокин, да и не он один из «основников» выстоял, выдюжил. Наверное, «на зубах», на характере. И в июне 1938 г. принимал экзамены у четверокурсников-неоргаников.

9 семестр – оценок в зачетной книжке нет.

10 семестр

Организация производства

Волынец отл. 16/XI – 39 г.

Доцент Волынец руководил кафедрой экономики химических производств.

Из личной карточки студента Коваля Ж.А., получившего диплом с отличием, следует, что на оценку «хорошо» преподаватели (фамилии не установлены) Менделеевки оценили подготовку (знания и работу) по следующим дисциплинам:

- Военное дело:

Политработа (II семестр)

Топография (II семестр)

ВХД (III семестр)

- Органическая химия (III и IV семестры).

В приложении к диплому с отличием №207162 из 48 позиций – лишь органическая химия не оценена на «отлично».

Здесь уместно сделать небольшое *лирическое* отступление о кафедре органической химии МХТИ тех лет. Руководил ею знаменитый профессор, комбриг, академик П.П. Шорыгин. На кафедре - славные имена Я.Я. Макаров-Землянский, А.В. Топчиев, В.В. Коршак, В.Н. Белов и др. Критики и/или нападков на кафедру, особенно в 1937/38 гг., было много: всякой и разной. Один лишь штрих: на «широком собрании актива института» 19 апреля 1937 г., имевшем большой резонанс (как «трезвым встал лишь один Циммервальд»), выступление Шорыгина было очень резким. Цитируем «Московский технолог» №15 за 1937 г.:

«Приветствуя разоблачение безобразий в его лаборатории, он отмечает, что «ЛК» (легкая кавалерия) не все видела и не могла видеть. Профессор Шорыгин подчеркивает, что он уже в течение 12 лет не может добиться конкретной помощи своей кафедре со стороны дирекции и общественных организаций. Далее проф. Шорыгин без особой скромности заявляет: «Если помощи не будет, я не буду прошибать стенку одним из лучших в Союзе лбов...» (автор отчета об активе в «МТ» не указан.

Осенью 1937 г. «политические» тучи сгустились и над молодой студенческой четой Жоржа Коваля. 23 сентября на технологическом факультете прошло отчетное

комсомольское собрание. Время «большой критики» - «*работа старого комитета была признана неудовлетворительной*». («Московский технолог» - №32/1938г.) Далее – еще жестче, пишет Яков Машкевич: «Собрание, отметив полную бездеятельность партприкрепленного товарища Лотинова, просило партгруппу факультета дать нового партприкрепленного». А вот и атака (вольная или невольная – сегодня ответа нет): «Но к выборам в свой комитет комсомольская организация подошла несерьезно, была проявлена политическая беспечность, не была соблюдена элементарная бдительность. Не помогли собранию и секретарь ВТУЗ комитета ВЛКСМ тов. Поликарпов, ни член ВТУЗовского комитета тов. Минц (фирменный огонь по штабам – А.Ж.). Собрание избрало в комитет Т.Т. Ершову, **Ковалю**, Иванову (жену Ж.А.), Стракову, Машкевича, но уже 8 октября комитет вынужден был вывести из своего состава тт. Ковалю и Иванову. При выборах в комитет Иванова не сообщила собранию, что две ее тетки были высланы за спекуляцию золотом. Не сказал об этом и Коваль, знавший об этом факте. Иванова не проявила бдительности к врагам народа. Этот серьезный урок должна учесть комсомольская организация факультета». Концовка заметки в «МТ» явно смягчена в пользу Жоржа и Людмилы, автор Я. Машкевич или отв. редактор А. Третьяков, как могли, сбавляли обороты. Об этом времени, ярко и рельефно, вполне осязаемо даже без хитростей Бройля

в известной главе булгаковской «Маргариты» - «Сдавайте валюту». 2/3 жителей Москвы того времени можно было подвести под эту «статью». Ю.А. Лебедев, менделеевец, достаточно хорошо знавший Жоржа Абрамовича и его жену Людмилу Александровну в быту, несколько иначе описывает околособытийную ситуацию 1937 года в израильских «Окнах» на русском языке. Без указания источника информации – «Коваль <...> не мог не понимать, что проживание в семье с тещей, купеческой дочерью, в коммунальной квартире дома, бывшего до революции ее собственностью, с женой, имеющей выговор за утерю бдительности (какова выразилась в недонесении в комитет комсомола о факте ареста своей двоюродной сестры), сделает его отказ от комсомольского предложения просто самодонсом со всеми вытекающими последствиями».

«Нитей в жгут состояний» Юрий Лебедев накрутил много – только не надо, на мой взгляд, резко скакать по времени из 1937 года в 1939-й. Теряется пульс времени. (См. статью Ю. Лебедева в этом номере ИВ - стр. 13)

В личном листке по учету кадров МХТИ им. Д.И. Менделеева, заполненным Жоржем Ковалем 11 октября 1938 года, два пункта следует подчеркнуть:

27. Отношение к военной службе в настоящее время – ответ: 3) военно-обязанный – рядового состава.

34. (о квартире тещи): Домашний адрес: Б. Ордынка, д. 14, кв. 1

Да, и чуть не пропустил п.24 (ответы на вопросы должны быть исчерпывающие).

24. Участвовал ли в революционном движении и подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции и после, во время оккупации (за что, когда, каким).

- «В США в 1930-1932 годах участвовал в работе Союза безработных. Был дважды арестован, но не судился за участие в демонстрации».

Вот это «но не...» - какая нить для жгута состояний Ю.А. Лебедева, да с булгаковской казуистикой фантазмагорий 1937 г. Чуть позже, 15 ноября 1938г., Жорж Коваль добавит в эту копилку-лампадку светильного масла: «За границей у меня родственники (фамилии исключим): дядя, и тетка, и трое детей, сестра отца и ее две дочери, племянница матери, ее муж и трое детей. Все они проживают в городе Сью-Сити, США – они уехали из царской России или родились в США. Знаю, что в Польше имеются родственники, но кто именно, мне неизвестно».

Еще один документ из студенческих, менделеевских лет Жоржа Ковалья приводит в своей книге «Ключи от ада» (М., 2009, с.23) историк ГРУ В.И. Лота: «Социалистическое обязательство» (допризывника РККА Ж. Ковалья):

«Я, допризывник, рождения 1913 года, учусь в МХТИ им. Д.И. Менделеева и беру на себя обязательство использовать свободное время ... для подготовки себя к призыву в ряды нашей непобедимой Р.К.К.А.

Я обязуюсь явиться на при-

зывную комиссию с высшим образованием, подлечиться, особенно зубы, и заниматься спортом.

Обязуюсь защитить диплом на «отлично», проявлять большевистскую бдительность, регулярно читать газеты, сдать зачет по курсу «Основы марксизма-ленинизма» на «отлично», а так же беру обязательство оказывать помощь допризывнику, студенту МХТИ, Вадиму Руденко...»

Жорж Коваль 11/II – 39 г.
(Руденко Вадим Юрьевич – выпускник МХТИ – 1939 г.)

Интересен документ, зарегистрированный в МХТИ 28/V – 39 г. Это письмо из НКХП за №02605/018 от 28/V – 39 г.

ДИРЕКТОРУ
МОСКОВСКОГО ХИМИКО-
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА
им. МЕНДЕЛЕЕВА
26 .V. 39
02005/018

Военный Отдел НКХП просит срочно выслать деловую и политическую характеристику на студента технологического факультета тов. КОВАЛЬ Ж.А.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ВОЕННОГО ОТДЕЛА НКХП
/ФИЛИППОВ/
2 экз.
25/V-39 г.
ая.

Вероятно письмо доставлено курьером, о чем говорит приписка на документе: «площадь Ильича, д.8» (Миусская пл. в те годы именовалась Площадь Ильича).

29 мая 1939 г. (вот как работала административно-бюрократическая система: ни слова о комсомольском

запросе, тем более о запросе РУКА - разведывательного управления Красной Армии) – ответ на запрос Военного отдела НКХП (наркомат-то только создан):

ХАРАКТЕРИСТИКА

КОВАЛЬ Ж.А. Родился в 1913 г. в США/ гор. Сио Сити штат/ приехал в СССР в 1932 г. вместе с семьей в Биробиджан. Семья КОВАЛЯ сейчас живет в Евр.Автоном.Области. Оканчивает МХТИ им. Менделеева по специальности технологии неорганич. веществ. Успеваемость отличная. К учебе относится добросовестно. Член ВЛКСМ с 1936 года. Политически развит. Принимает активное участие в общ. работе – работал предс. профцехбюро факультета. До института работал в колхозе, а также в слесарных мастерских.

Может быть использован в качестве цех.инженера, а также на работе по проектированию.

За границей имеет ряд родственников, с 1937 года связи с ними не имеет.

Директор /Пильский/
Секретарь Партбюро /Новиков/

В архиве под характеристикой подпись лишь секретаря партбюро К. Новикова (В строке: за границей имеет ряд родственников, с 1937 года, связей с ними не имеет. - рукой секретаря партбюро после запятой зачеркнуто). Можно долго рассуждать об этом факте, но в военный отдел НКХП справка безусловно должна была поступить в редакцию секретаря партбюро.

Один из последних документов в Студенческой картотке Ковалья Жоржа Абрамовича (где в п.5 помечено - Свободный прием) - ШТАМП - «на заседании Квалификационной комиссии

20/VI (39г.) ...№24

Коваль Ж.А. ... на тему «Сорбционный метод обогащения криптонового концентрата» и ему присвоена квалификация инженера-технолога по спец. *неорг. веществ*, утвержденная приказом по МХТИ «26» VI 1939 г. за №365.

Директор *Пильский*
Декан факультета
Каменова

3 ноября 1939 – Народный комиссариат ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ и ЭЛЕКТРОПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР (сектор подбора и учета кадров)

№ ЭС 23/8 в адрес МХТИ:

Директору Московского Химико-Технологического института им. Менделеева.

Адрес: Площадь Ильича дом 5/2

На ваше отношение от 29 октября 1939 за № 077 Сектор подбора и учета кадров НКЭП сообщает о том, что молодой специалист тов. Коваль Ж.А. прибыл в наше распоряжение и с 8/VIII-39 г. работает в ВЭИ.

Начальник Сектора Подбора и Учета Кадров НКЭП
/ГОЛУБИН/

Диплом об окончании вручен Жоржу Ковалю 1 августа 1939 г.

Диплом с отличием
№207162

Предъявитель сего тов. Коваль Жорж Абрамович в 1934

г. поступил и в 1939 году окончил полный курс Московского Химико-Технологического Института им. Менделеева по специальности технологии неорганических веществ и решением Государственной Экзаменационной Комиссии от 20 июня 1939 г. ему присвоена квалификация инженера-технолога с отличием.

Председатель Государственной Экзаменационной Комиссии

Директор

Секретарь

Город Москва
29 июня 1939 г.

Регистрационный № 94

Жизненная и творческая биография Жоржа Ковалья – Героя России, славного выпускника Менделеевки только-только начинает исследоваться. Наш «Исторический вестник», вузовская многотиражка «Менделеевец» были пионерами в этом деле. Работы предстоит еще много.

О ДОБЛЕСТИ, О ПОДВИГЕ, О СЛАВЕ... ПАРАДОКСЫ СУДЬБЫ ГЕРОЯ РОССИИ ЖОРЖА КОВАЛЯ

Лебедев Ю.А.

Эта статья была опубликована в четырех номерах израильской газеты «Окна» в январе-феврале 2008 г. За прошедший с тех пор год с небольшим, я не получил каких-то принципиально новых фактических данных по биографии Жоржа Абрамовича.

Что касается общественного резонанса на присвоение ему звания Героя России, то он не был особенно заметным. Объяснений этому может быть много, но мне кажется, что в современных условиях отсутствие такого резонанса свидетельствует только о том, что никаких «желтых подробностей» в биографии Ж.А. Ковалю не было обнаружено, а потому его история и не привлекла внимания тех СМИ, которые делают «пиар» только биографиям с элементами «жареного».

Специалисты-историки обсудили на заседании Московского семинара по Истории Советского атомного проекта факт присуждения звания Героя России Ж.А. Ковалю и пришли к выводу, что с научно-исторической точки зрения пока слишком мало достоверных фактов о его деятельности и это является благодатной темой для дальнейших исследований и

изысканий.

Отсутствие же новых материалов от ГРУ явно свидетельствует о том, что далеко не вся информация об «Операции «Дельмар»» перешла из состояния оперативной в состояние общественно-исторической.

И в этом смысле Герой России Ж.А. Коваль по-прежнему является одним из тех, кто и сегодня «делает

лось, будучи вовлеченным в такое, мягко говоря, неоднозначное дело, как создание атомной бомбы и в США, и в СССР, оставаться все долгие годы своей жизни тем неоднозначным образцом человеческой порядочности, о которой говорят все, общавшиеся с ним и здесь, в России, и там – в США?

И разгадка этой тайны гораздо интереснее и важнее, чем заполнение пробелов в истории атомного проекта. Во всяком случае, для меня.

Признаюсь, что размышления над этой тайной сами по себе углубляют мое понимание добра и зла и, бывает, «взгляд глазами Жоржа Абрамовича» помогает сделать нравственный выбор в сложных житейских обстоятельствах.

Поэтому сегодня я бы написал другую статью, с

другими акцентами, и – хочу надеяться! – ещё сделаю это. А публикуемый текст – это только один из «квантов истории», порожденных взаимодействием с удивительно интересным феноменом личности Жоржа Абрамовича Ковалю...

Ю.А. Лебедев,
выпускник факультета
ТНВ 1971 года.

Окна

Юрий ЛЕБЕДЕВ
Россия

Парадоксы судьбы

История создания атомного оружия в США и СССР неполна. Она представляет собой образовавшийся в середине прошлого века узел перепутанных нитей событий, эмоций, амбиций и судеб людей. Как и всякая история, она никогда не будет полной

Историческая картина динамична – время стирает из памяти какие-то факты, но и открывает новые «двери в прошлое». За одной из таких дверей – личность и судьба нового Героя Российской Федерации Жоржа Абрамовича Ковалю (1913–2006). Его жизнь и дела – это уникальный клубок парадоксов.

ПАРАДОКС ПЕРВЫЙ: «ЭТОГО АТОМНОГО РАЗВЕДЧИКА ЗНАЛИ ВСЕ»

До 7 ноября 2006 года было можно (а некоторые утверждают, что даже и нужно) делать вид, что основные фигуры «атомной разведки» СССР хорошо известны и удостоены должного внимания со стороны власти и общества. Но вот 7–8 ноября 2006 года по всем центральным российским телевизионным каналам, а также и по всем центральным телеканалам Европы и США прошли репортажи о посещении президентом РФ Владимиром Путиным нового здания Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

была прована лишь осенью 1963 года, когда в Кремле на закрытом просмотре для руководителей партии и правительства был показан фильм французского режиссера Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорг?».

Оказывается, наши «секретные службы» настолько секретны, что даже руководители страны узнают о своих героях случайно и отмечают их заслуги только спустя десятилетия после совершенных ими подвигов и часто после смерти самих героев.

Что мешало нынешнему руководству ГРУ выполнить закон и хотя бы через 50 лет после официально зафиксированного ухода Ж.А. Ковалю из разведки (1949 года) проинформировать президента о его заслугах и воздать должное герою? Мне скажут: «Особые обстоятельства, связанные со спецификой работы разведки».

Вообще говоря, это сильный аргумент. И если это действительно так, то вместе с поздравлениями ГРУ (и не один раз)

Жорж Коваль

Историю».

В США история жизни Ж.А. Ковалю, как свидетельствует мое общение с американскими историками и журналистами, вызывает гораздо больший интерес. Но и там ничего принципиально нового в осмыслении «феномена Ковалю» пока нет.

А будущим историкам ещё предстоит ответить на главный вопрос о Жорже Абрамовиче – как ему уда-

История создания атомного оружия в США и СССР неполна. Она представляет собой образовавшийся в середине прошлого века узел перепутанных нитей событий, эмоций, амбиций и судеб людей. Как и всякая история, она никогда не будет полной. Историческая картина динамична – время стирает из памяти какие-то факты, но и открывает новые «двери в прошлое».

За одной из таких дверей – личность и судьба нового Героя Российской Федерации Жоржа Абрамовича Коваля (1913 – 2006).

Его жизнь и дела – это уникальный клубок парадоксов.

**Парадокс первый:
«Этого атомного
разведчика знали все»**

До 7 ноября 2006 года было можно (а некоторые утверждают, что даже и нужно!) делать вид, что основные фигуры «атомной разведки» СССР хорошо известны и удостоены должного внимания со стороны власти и общества. Но вот 7 – 8 ноября 2006 года по всем центральным Российским телевизионным каналам, а также и по всем центральным телеканалам Европы и США прошли репортажи о посещении Президентом РФ Владимиром Путиным нового здания Главного Разведывательного Управления Генерального Штаба Российской Федерации (ГРУ ГШ РФ). Среди прочих объектов, которые продемонстрировали Президенту (и телезрителям), был и музей ГРУ.

При этом зритель видел

Президента РФ, смотрящего на музейный стенд. На нем – фотография Ж.А. Коваля, точно такая же, как и та, на которую каждый день смотрят сегодня студенты-менделеевцы на лестничной площадке напротив Большого актового зала.

Никакого недоумения это, впрочем, не вызвало – студенты и сотрудники РХТУ им.Д.И. Менделеева не привыкли удивляться присутствию менделеевцев в самых высоких сферах, а для миллионов россиян и зарубежных телезрителей портрет интеллигентного человека на музейном стенде – тоже не предмет удивления.

С тех пор прошел почти год и 22 октября 2007 года Президент России В. Путин подписал Указ №1404 «О присвоении звания Героя Российской Федерации Ковалю Ж.А.». Формулировка Указа гласит, что звание присвоено «за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания».

Какого задания? Во время вручения награды Ж.А. Ковалю Министру обороны Президент сказал: «Работая в 30–40-х годах прошлого века, он внес неоценимый вклад в решение одной из ключевых задач того времени – в задачу создания атомного оружия. И я бы хотел, чтобы память о Жорже Абрамовиче была увековечена в музее Главного разведывательного управления Генерального штаба».

Не думаю, что «увековеченная» в столь труднодоступном для посещения месте, как музей Главного разведывательного управления Генерального штаба, эта

память будет доступна гражданам страны, ради безопасности которой героически работал Ж.А. Коваль. Кто через неделю-другую, когда утихнет волна соответствующих комментариев СМИ, сможет к этой памяти прикоснуться?

А как сам Президент узнал о героической работе Ж.А. Коваля? Из новостей на сайте Президента РФ от 22 октября 2007 года всякий желающий может узнать, что о самом Жорже Абрамовиче и обстоятельствах и результатах его работы, достойных такой награды, В. Путин узнал именно 7 ноября 2006 года. Об этом на официальном сайте Президента сказано так: «В ноябре 2006 года Президент посетил штаб-квартиру Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных Сил России. В музее военной разведки главе государства показали портрет разведчика Жоржа Коваля...». У меня есть основания сомневаться в полной адекватности этой информации. И в том, что Президент до прихода в музей ГРУ 7 ноября 2006 года «ничего не знал-» о Ковале-Дельмаре. Но мои сомнения в данном случае следует отметить и, пока нет твердой уверенности в обратном, считать версию сайта Администрации Президента правдивой. Я признаю презумпцию невиновности.

Но тогда эта история поразительно напоминает историю присвоения звания Героя Советского Союза другому разведчику – Рихарду Зорге. Как рассказали С. Голяков и М. Ильинский, авторы книги «Рихард Зорге. Подвиг и

трагедия разведчика», «завеса молчания была прорвана лишь осенью 1963 года, когда в Кремле на закрытом просмотре для руководителей партии и правительства был показан фильм французского режиссера Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?»

Оказывается, что наши «секретные службы» настолько секретны, что даже руководители страны узнают о своих героях случайно и отмечают их заслуги только спустя десятилетия после совершенных ими подвигов и часто после смерти самих героев...

Что мешало нынешнему руководству ГРУ выполнить закон и хотя бы через 50 лет после официально зафиксированного ухода Ж.А. Коваля из разведки (1949 год) проинформировать Президента о его заслугах и воздать должное Герою? Мне скажут: «Особые обстоятельства, связанные со спецификой работы разведки».

Вообще говоря, это – сильный аргумент. И, если это действительно так, то вместе с поздравлениями ГРУ (ещё один разведчик стал Героем!) следует выразить и сочувствие – значит, порвались какие-то последние нити, делавшие сохранение тайны оперативного псевдонима Ж.А. Коваля практически целесообразным, т.е. то дело, которое он делал («Операция Дельмар») окончательно умерло и стало историей. Но в данном случае позволю себе усомниться в искренности аргумента об «особых обстоятельствах» и позже аргументирую свои сомнения.

В любом случае нужно сказать «Спасибо!» Прези-

денту за то, что он восстановил историческую справедливость. И по-человечески этот факт радует. Однако, по-человечески же, очень горько, что сам Жорж Абрамович не дождался такой оценки. Но этого изменить уже не может никто.

А вот почему ближайших родственников, людей, которые не одно десятилетие прожили с ним и – без преувеличения! – спасали от горького одиночества и тех «бытовых проблем», без которых у нас не бывает «заслуженного отдыха», даже не известили официально о таком признании заслуг родного им человека?

Родные узнали о факте награждения благодаря тому, что 28 октября, через 6 дней после подписания Указа Президента РФ, венгр Лайош Патьи, один из бывших студентов Коваля, нашел в интернете информацию о награде и передал ее своему другу М.Г. Беренгартену в Москве, а уж он оповестил об этом многочисленных учеников и друзей Жоржа Абрамовича. Получил это сообщение и я, и тут же позвонил родственникам Жоржа Абрамовича. Они в этот же день отправили запрос на сайт Администрации Президента. Ответа нет до сих пор (пишется 12 ноября).

Почему же это извещение достигло самых близких Жоржу Абрамовичу людей столь «кривым» путем? И почему их даже не пригласили на церемонию вручения Звезды Героя? Опять пресловутые «особые обстоятельства»? Или, все-таки, ничто у нас даже за такую длинную жизнь, как у Жоржа Абрамовича, не

изменилось (так было и во времена Ленина, Сталина, Хрущёва, Брежнева...) И прав В.С. Черномырдин – «Хотели как лучше...»

Но что же все-таки конкретно было известно о существовании «атомного разведчика» Жоржа Коваля «широкой публике» при его жизни? А то, что в данном контексте употреблено выражение «широкая публика», т.е. огромное количество «простых людей», как это ни покажется странным, совершенно оправдано.

Трудно даже приблизительно указать число читателей солженицынского романа «В круге первом». А подавляющее большинство читателей, конечно же, помнит ключевую сцену завязки романа: высокопоставленный дипломат Иннокентий Володин в декабре 1949 года звонит в американское посольство: «Не бросайте трубку! Речь идёт о судьбе вашей страны! И не только! Слушайте: на этих днях в Нью-Йорке советский агент Георгий Коваль получит в магазине радиодеталей по адресу... – Слушайте! Слушайте! – в отчаянии восклицал он. – На днях советский агент Коваль получит важные технологические детали производства атомной бомбы в радиомагазине ...».

30 января 2006 года эти слова с экрана телевизоров услышали миллионы российских телезрителей во время премьеры сериала по классическому роману. А 31 января, на следующий день, тяжело болевший в это время Жорж Абрамович, умер.

Та же история о попытке предательства рассказана и в

мемуарах «Утоли моя печали» прототипа солженицынского Рубина – Льва Копелева:

«Слушайте внимательно.

Советский разведчик Коваль вылетает в Нью-Йорк. Вы слышите? Вылетает сегодня, а в четверг должен встретиться в каком-то радиомагазине с американским профессором, который даст ему новые данные об атомной бомбе. Коваль вылетает сегодня. Вы меня поняли?»

У А.И. Солженицына звонивший – И. Володин. Л.З. Копелев называет другую фамилию – Иванов. Но первый – герой художественного произведения, а второй – персонаж мемуаров.

Все странности и «исторические нелепости», которые возникают при анализе этого исторического эпизода «поздней осени» 1949 года, были обсуждены А.Н. Латыниной в опубликованной журналом «Новый мир» в №6 за 2006 год статье «Истинное происшествие» и «расхожий советский сюжет». Два варианта «Круга»: взгляд из сегодня».

При подготовке этой ее статьи мы с Аллой Николаевной так и не смогли найти логического выхода из нескольких парадоксов.

С моей точки зрения самыми важными представляются два обстоятельства, а именно: во-первых, в декабре 1949 года Ж.А. Коваль уже не был «атомным шпионом» – он тогда только что снова стал аспирантом МХТИ и приступил к выполнению диссертационной работы; во-вторых, не летали ещё в этом году самолеты регулярными рейсами «Москва-Нью-Йорк».

При этом возникают сомнения если и не в самом факте телефонного звонка, то в его датировке.

Однако Н.Д. Солженицына, к которой я обратился за разъяснениями, ознакомила А.И. Солженицына с моим письмом и подтвердила мне, что Александр Исаевич твердо заверил ее – он сам слышал эту историю на Марфинской шарашке от Л. Копелева поздней осенью 1949 года, а Л. Копелев и годы спустя утверждал, что «Эти разговоры я воспроизвожу почти буквально. Слушал их тогда снова и снова множество раз; слова, интонации прочно осели в памяти». И, как мы знаем, появилась эта история в печати ещё в 1968 году.

Я же сам слышал от Жоржа Абрамовича в 2003 году такое «объяснение»: «Я не знаю, откуда он это взял?» Это была единственная фраза без попытки как-то прояснить ее смысл. При этом взгляд его был наивно-лукавым, и я подумал, что и форма ответа лукавая – это не прямое отрицание, не осуждение «выдумки» и даже не попытка скрыть свое знание подоплеки события – просто констатация факта: он, Ж.А. Коваль, не знает, откуда этот факт стал известен писателю А.И. Солженицыну.

А в ходе бесед с теми, кто также обсуждал эту тему с Жоржем Абрамовичем, я встретил и прямое подтверждение своей интерпретации Ковалевского объяснения. Одна из собеседниц слышала такое его замечание по этому поводу: «Не так все это было...»

Попытки выяснить в ФСБ

документальную основу происшествия в Марфинской шарашке в 1949 году окончились тем, что меня официально информировали – материалов по такому случаю не обнаружено.

Тем не менее, у меня возникла новая версия тех давних событий. Дело в том, что, как следует из публикуемого ниже документа, Ж.А. Коваль был в Москве не в 1949, а уже в ноябре 1948 года и, разумеется, в первую очередь писал отчет о своей работе, на основании которого и должна была определиться его дальнейшая судьба как разведчика. Думается, это заняло несколько месяцев, и отчет был готов в начале 1949 года, где-то в феврале-марте.

Но как раз к моменту завершения Ж.А. Ковалем этой работы произошли какие-то крупные «подковерные разборки» в советском руководстве, в результате которых Комитет Информации (КИ), объединявший 1 Управление бывшего МГБ и ГРУ ГШ и до тех пор подчинявшийся Совмину (практически – Л.П. Берии), был организационно подчинен непосредственно МИДу, т.е. В.М. Молотову! Произошло это как раз в феврале 1949 года.

А организационное переподчинение – это, как известно, прежде всего, переподчинение кадров. Таким образом, оценивать проделанную разведчиком Ковалем работу и определять возможности его использования в дальнейшем пришлось уже новым, чуждым специфики агентурной работы людям и с учетом новых, «МИДовских» критериев.

А с МИДовских позиций

проделанная Ковалем разведывательная работа была совершенно никчемной – никакой реальной «политической кухни», никаких не только вербовок, но даже контактов с влиятельными американцами, какая-то сплошная «химия искусственных элементов».

Да и его «социальное лицо» – 36-летний беспартийный советский гражданин, по происхождению американский еврей, женатый на дочери «буржуазного спеца» – не могло вызывать энтузиазма у МИДовских кадровиков. И то, что тесть, (которого, правда, Жорж не знал – тот умер в 1924 году) к тому же, был сыном фабриканта и бывшим царским офицером, а теща (тогда проживавшая с ним в одной квартире) была купеческой дочерью, вовсе не улучшало его «кадровый имидж».

Так что состоявшееся вскоре увольнение стало совершенно закономерным (и счастливым для Жоржа Абрамовича в тех обстоятельствах!) итогом возникшего в результате реорганизации КИ расклада сил между Л.П. Берией и В.М. Молотовым.

И, вероятно, здесь следует сказать спасибо тем людям из аппарата МИДовских кадровиков, которые, может быть, не передали информацию об увольнении такого носителя государственных секретов как Ж.А. Коваль в следственный аппарат министерства, возглавлявшегося В.С. Абакумовым - МГБ. Или порадоваться тому, что в ведомстве В.С. Абакумова не заинтересовались полученной информацией о личности демобилизованного рядово-

го.

Эти события объясняют, как мне кажется, и тот факт, что и личность, и характер разведдеятельности Ж.А. Коваля, стали известны определенному кругу лиц в МИДе. И Ж.А. Коваль для него – «чужак», случайно оказавшийся в «кадровой колоде». Не удивительно, что его «тайна личности» не была сохранена должным образом. И потому вполне вероятно, что об «атомном шпионе» Ковале стало известно какому-то дипломату, о моральных качествах и мотивах поступков которого я судить не берусь, но, очевидно, вполне равнодушного лично к Ж.А. Ковалю. А потому я, по крайней мере, до тех пор, пока факты не покажут обратного, склонен верить Л.З. Копелеву, который так описывает этого человека: «Жена — комсомолка, тоже работала в МИДе, двое детей, плюс еще теща. И в тот же день, как получил билеты, стал звонить по автоматам в посольство. Узнал где-то случайно об этом Ковале и побегал. Продавал авансом. Рассчитывал, конечно, когда приедет, сразу перебежать, как этот гад Кравченко. Вы читали в газетах?.. Сведения, конечно, особо ценные, и он старался, чтобы поскорее. Теперь там, в Америке, пострадают наши люди... Я видел его, когда привели. Обыкновенное лицо. И фамилия обыкновенная — Иванов. Конечно, выглядит растерянным, подавленным».

То есть версия А.И. Солженицына о мотивах поведения И. Володина – это высокий художественный образ, а объективное предательство

Иванова – это «медицинский факт».

Что же касается вылета самолета с Ковалем из Москвы в Нью-Йорк, то как-то такая информация должна быть обоснована. Иванов, вероятно, знал о каком-то дипломатическом спецрейсе, а «пассажира Коваля» просто придумал, чтобы привлечь внимание к своему сообщению.

Поскольку Копелев называет фамилию Жоржа Абрамовича, то и фамилия «Иванов» вряд ли им выдумана – не было у него оснований беречь честь этого человека.

Впрочем, о деталях этой истории мы ещё узнаем, когда станут доступными материалы архива МИДа.

Понятна и реакция Жоржа Абрамовича на расспросы по этой истории. Он не был ее главной жертвой, сам участия в ней не принимал, хотя в результате над ним нависла серьезная опасность – раскрытие в 1949 году Коваля как советского агента развязывало ЦРУ его «длинные руки», что в те времена вовсе не было «книжным штампом».

Как рассказывали мне А.П. Жуков и Л.В. Гришин, Жорж Абрамович в то время при всяком ночном шорохе прикидывал – это «наши» за ним пришли, или «оттуда» добрались? И, к тому же, сам того не желая, он стал случайным поводом чьей-то большой жизненной трагедии. Все это – достаточные основания для того, чтобы не любить разговоров на тему о том, как он попал в роман А.И. Солженицына. И понятен его комментарий – «не так все было...»

О самом факте разведдеятельности Ж.А. Ковалея (разумеется, без подробностей), конечно же, было хорошо известно в МХТИ им.Д.И. Менделеева (ныне РХТУ им.Д.И. Менделеева) – учреждении, с которым была связана вся жизнь Жоржа Абрамовича. Его работе в разведке посвящены специальные подборки в различных изданиях РХТУ им.Менделеева – «Историческом вестнике РХТУ», сборнике «Менделеевцы-ветераны Великой Отечественной войны», о нем неоднократно писала газета «Менделеевец» (начиная с 1934 года, когда будущий разведчик стал студентом-менделеевцем).

В том, что менделеевская пресса активно поддерживает память о Ж.А. Ковале, безусловно, большая личная заслуга А.П. Жукова, директора Издательского Центра РХТУ им. Д.И. Менделеева, многолетнего коллеги Ж.А. Ковалея по кафедре Общей химической технологии и просто талантливого журналиста, долгие годы интересующегося историей МХТИ-РХТУ. Многие из опубликованного увидело свет благодаря памятливому вниманию к фигуре Ж.А. Ковалея других его коллег-менделеевцев и, прежде всего, А.В. Беспалова, Г.М. Семенова, Л.В. Гришина и А.И. Родионова.

Так что о Жорже Абрамовиче Ковале действительно знали и знают миллионы россиян. Но, конечно, не все. На сайте партии «Единая Россия» <http://www.edinros.ru/news.html?id=125095> даже после «официального раскрытия» тайны Ж.А. Ковалея вместо его фотографии помещена фото-

графия Лесли Гровса, американского генерала, руководившего атомным проектом США...¹

Парадокс второй: «Никто не знает, кто такой Дельмар»

Теперь, как мне кажется, следует сделать один давно назревший шаг к полноценной постановке вопроса о роли личности Ж.А. Ковалея в истории советской разведки и создания атомного оружия.

В марте 2007 года, в первом варианте этой статьи, я писал: « Может быть, дело сдвинется с «мертвой точки» после того, как публично будет раскрыт «секрет Полишинеля» относительно его оперативного псевдонима («клички», как определял его он сам) в советском атомном проекте». И далее писал о том, что эта «кличка» – «Дельмар» – давно известна и пришла пора перестать ее скрывать.

Я отправил экземпляр «для согласования» в ГРУ – нет ли возражений против её содержания? Отправил, как и положено в таких случаях, заказным письмом с уведомлением о вручении, которое, вернувшись, подтвердило получение моего текста 23 апреля 2007 г. Ответа я не получил до сих пор. А 25 июля 2007 года в газете «Красная звезда» появилась статья В. Лота «Его звали «Дельмар». И в ней этот «секрет Полишинеля», наконец, окончательно раскрыт: «Имена разведчиков, принимавших участие в добычании британских и американских атомных секретов, за минувшие десять лет стали

известны широкой мировой общественности. Некоторым из них присвоено звание Героя Советского Союза, Героя России. Но названы еще не все имена. Портрет одного из неизвестных и был показан Президенту России В.В. Путину. Благодаря тележурналистам его, еще безымянным, увидели Россия и мир. Назовем же фамилию этого легендарного человека – Коваль. Имя – Жорж. Оперативный псевдоним – «Дельмар».

Очень хорошо, что журналисту В. Лота повезло больше, чем мне, и процесс «согласования» его материала оказался столь коротким, что его статья стала источником информации для всех журналистов, пишущих о новом Герое России.

Однако не стоит полностью доверять этому источнику. В нем достаточно много мелких неточностей и явных фантазий. Например, тяжело больной Жорж Абрамович за день до смерти был уже в таком состоянии, что просто не мог смотреть по телевизору первую серию сериала «В круге первом», о чем пишет В. Лота: «Настоящий Жорж Коваль смотрел этот фильм. Какие чувства он испытывал в тот момент?»

Печальнее другое – к самой концепции статьи нельзя не отнестись с сомнением. Это тем более обидно, что В. Лота – единственный журналист, который имеет доступ к настоящим архивным материалам о Ж.А. Ковале. Подтверждением этого факта является то, что в репортаже 1-го канала ТВ о визите Президента РФ в ГРУ была показана обложка его книги «ГРУ

и атомная бомба», в которой и приведены практически все «открытые» сведения о работе «агента Дельмара».

Сомнение же в искренности автора статьи порождены следующим обстоятельством. В. Лота особо подчеркивает, что сам Жорж Абрамович настоял на том, чтобы не раскрывать его имени в связи с рассказом об «агенте Дельмаре». Вот что говорит об этом В. Лота: «Когда я работал над книгой «ГРУ и атомная бомба», одним из героев которой был и «Дельмар», мне пришлось изменить некоторые биографические данные Жоржа Абрамовича. Сделано это было по его настоятельной просьбе. Вернее, произвольные изменения в его биографии было основным условием согласия Ковалея продолжать наши творческие беседы и его последующего одобрения главы книги, в которой упоминался его оперативный псевдоним. Вначале я настаивал на том, чтобы назвать в книге его реальные имя и фамилию, но Жорж Абрамович был непреклонен». И ещё: «Наша последняя встреча с Жоржем Абрамовичем состоялась незадолго до его кончины. Произошло это 25 декабря 2005 года в его день рождения. Жоржу Абрамовичу исполнилось 92. Большая и красивая жизнь этого мужественного и доброго человека, умевшего любить близких, уважать товарищей и искренне любить Россию, завершалась. Он это предчувствовал. Поднимая в день нашей встречи бокал с вином, спросил:

- Вы напишите о нас книгу?

Я ответил утвердительно. Жорж Абрамович сказал:

- Теперь можно будет назвать и мою фамилию...».

Отметим, что, как утверждает В. Лота, он получил согласие Ж.А. Ковалея на «раскрытие псевдонима» 25 декабря 2005 года. И что же он делает, когда через 10 месяцев после смерти Жоржа Абрамовича пишет статью «Вклад военных разведчиков в создание отечественного атомного оружия. 1941-1945 гг.» в «академическом» «Военно-историческом журнале» в ноябре 2006 года? Лота, кратко перечислив основные вехи работы, снова говорит о «Дельмаре», так и не называя его настоящего имени и никак не упоминая о Жорже Абрамовиче...

Все это вызывает сильные сомнения в том, что инициатива сокрытия имени Ж.А. Ковалея исходила от него самого.

Думается, что вопрос этот имеет какое-то особое значение, причем и в России, и в США.

В США пишет мемуары армейский сослуживец Ж.А. Ковалея по Ок-Риджу Арнольд Крамиш. Он – один из ветеранов Манхэттенского проекта, в 1945 г. отвечавший за одновременность подрыва всех взрывателей первой в мире атомной бомбы, испытанной в Аламогордо 16 июля 1945 года. Он же – одна из первых жертв технологической аварии с ядерными материалами. А. Крамиш получил сильнейшие химические ожоги фтористоводородным раствором шестифтористого урана и оказался единственным человеком, который чу-

дом выжил при взрыве технологической емкости с этим раствором. После войны занимал различные административные посты, вплоть до технического директора программы Белого Дома по Стратегической оборонной инициативе и советника Заместителя Министра Обороны США. Автор первой книги на Западе по истории Советского атомного проекта, вышедшей в 1959 году в США. В 1996 году принял участие в работе ИСАП-96 (Международного Симпозиума по истории Советского Атомного проекта) в Дубне. В настоящее время – частное лицо.

А. Крамиш прекрасно осведомлен о многих обстоятельствах работы Ж.А. Ковалея в Ок-Ридже, очень высоко оценивает его роль в событиях, связанных с начальным этапом американской атомной программы. Узнав о смерти Ж.А. Ковалея, А. Крамиш в частном письме написал: «Жорж заслужил того, чтобы о нем помнили».

Однако, вот уже в течение нескольких лет после выхода в свет книги В. Лота, получившей известность и в США, Арнольд Крамиш избегает прямых ответов на вопросы американских журналистов о герое этой книги и также не раскрывает связи имени своего «старого друга» и его оперативного псевдонима.

И только 13 ноября 2007 года в «Нью-Йорк Таймс» появилась статья, в которой А. Крамиш начал осторожно рассказывать журналистам о своем знакомстве с Ж.А. Ковалем.

О причинах такого странного положения можно стро-

ить различные догадки, но с определенностью следует отметить, что среди этих причин не было ясной воли самого Ж.А. Коваля!

Почти в 90 лет ему, как мне кажется, уже надоело молчать, да и лично за себя он совершенно не боялся, а если и опасался чего-то, то это «что-то» было связано с возможными осложнениями в жизни его близких в наше время снятия покровов с исторических тайн.

В начале XXI века Клио – уже совсем не молоденькая барышня! – чудит порой непредсказуемо, а Жорж Абрамович был житейски весьма опытен и мудр и действительно любил и своих близких, и дальних...

В. Лота пишет, что по своей скромности Жорж Абрамович «настойчиво попросил» пока не раскрывать его имени, поскольку считал, «что его работа в военной разведке вряд ли оказала советским ученым большую помощь в создании отечественного атомного оружия». Скромность действительно была органической чертой его личности, но она никогда не была патологической!

По моим же впечатлениям, он был очень доволен тем, что его работа, наконец, была отмечена, и явно гордился выходом в свет книги. По поводу псевдонима, как мне кажется (это – не его слова, а моя оценка его реакции), он сам несколько недоумевал – почему все еще нужно что-то скрывать? И зачем было нужно «омолаживать» его на два года, менять белорусские корни рода на украинские, на год «задерживать» возвраще-

ние семьи из Америки?

Очевидным подтверждением сказанного выше является тот факт, что Жорж Абрамович с удовольствием дарил книгу В. Лота тем немногим, кому повезло (не знаю, получил ли он от издательства хоть сколько-нибудь экземпляров) и с удовольствием подписывал ее всем тем счастливицам, кто при встрече с ним имел при себе экземпляр этого издания. При этом Жорж Абрамович не только не скрывал «свое настоящее имя», но и демонстративно вочеловечивал «кличку-псевдоним».

Доказательством тому являются автографы (дарственные надписи) на книге В. Лоты «ГРУ и атомная бомба».

*Ира, на память
от Жоржа Абрамовича
(Дельмар)*

Вот – Ирине Климентьевне Шмульян: (Ира – И.К. Шмульян, первая аспирантка Ж.А. Коваля. Публикуется с разрешения владелицы автографа.)

*Тамаре и Саше
На добрую память
от Жоржа Абрамовича
(«Дельмар»)*

Вот – Тамаре и Александру Грефам:

(Тамара – Т.С. Греф, Саша – А.Э. Греф. Студенты Жоржа Абрамовича 1971 – 1969 годов. Публикуется с разрешения владельцев автографа).

Эта надпись была сдела-

на на моих глазах 23 февраля 2003 года дома у Жоржа Абрамовича, когда к нему в гости пришла большая группа его учеников. Это была незабываемая встреча – со многими из нас он не виделся десятки лет, и многие понимали, что эта встреча в год его 90-летия может оказаться последней. Но не было на ней и тени уныния или официоза. А была чистая «роскошь человеческого общения»...

Разумеется, существующие книги с подобной дарственной надписью Ж.А. Коваля не исчерпываются рассмотренными четырьмя. Но приведенные здесь автографы однозначно свидетельствуют о том, что сам Ж.А. Коваль после выхода в свет книги В. Лота не делал никакой тайны о том, что он и «агент Дельмар» – одно и то же лицо. Это должно быть принято во внимание всеми исследователями истории и Советского атомного проекта, и разведки в СССР.

И на «пьедестале почета» героев атомной эпопеи человечества неизбежны «кадровые передвижки»...

Парадокс третий: «Самооценки и оценки»

То, что Жорж Абрамович Коваль, уникальный исторический герой, принимавший деятельное участие как в американской, так и в советской атомных программах, был героем без пафоса, могут засвидетельствовать все, знавшие этого удивительного человека.

Он, конечно, «знал себе цену», и по человеческим качествам – глубокой порядоч-

ности, чувству собственного достоинства, житейской мудрости – эта цена была выскока и справедлива, но, смею утверждать, его самооценка «профессиональных достижений», была сильно занижена. И не только по причине его органической скромности – он, как и многие его коллеги и соратники по профессии разведчика, как правило, просто не знают, как сказанное ими когда-то «слово отзовется». Такова объективная специфика их работы.

Но именно в связи с этим для историков, да и для всех тех, кто хоть что-то знает о когда-то «секретных людях», является моральным долгом максимальное раскрытие смысла и последующего значения их деяний и слов, необходимое для оценки истинного масштаба сыгранных ими на исторической сцене ролей.

Убежден, что о Жорже Абрамовиче еще будет создана целая литература. И не только потому, что очевидно значимым представляется место этого человека в структуре и подоплеке многих важных исторических ветвлений XX века. Его человеческие качества, проявившиеся в фантастических обстоятельствах его судьбы и послужившие нравственным камертоном для многих из тех, с кем довелось ему общаться, сами по себе достойны отдельного подробного рассмотрения. Но, все-таки, прежде всего, необходимо как можно детальнее выяснить его роль в атомных проектах XX века – этих бифуркационных узлах мировой истории.

Как при этом изменится

наше видение исторических путей – покажет конкретная аналитическая работа. И она уже идет и в России, и в США. Для ее успеха важно, чтобы новые факты, документы, свидетельства как можно быстрее становились достоянием исследователей. Именно этой цели служат публикуемые здесь документы.

Первым из них является адресованный неизвестному лицу автобиографический отрывок, являющийся комментарием к публикации первых кратких сведений о его разведывательной работе (Имеется в виду статья Владимира Лота «ГРУ раскрывает имена своих нелегалов, спасших Землю от ядерного кошмара», газета «Совершенно секретно», №8, август 1999 г.).

Мне неизвестны причины, которые побудили ГРУ ГШ РФ начать работу по рассекречиванию материалов о разведывательной деятельности Ж.А. Ковалю. Могу предположить, что это было связано как с общей атмосферой демократизации России в то время, так и с конкретными обстоятельствами «борьбы за выживание» различных силовых структур во второй половине 90-х годов прошлого века.

Факт состоит в том, что первые официальные шаги были сделаны, но начавшее-

Ж.А. Коваль в кругу учеников, 2003 г.

ся движение вскоре приостановилось, и в настоящее время исследователям остается довольствоваться только тем немногим, что уже приоткрылось из архивных материалов различных «спецфондов».

Тем более важной является публикация документов, не отягощенных грифами секретности. Именно к таким и относится комментарий самого Ж.А. Ковалю к первой газетной статье о его работе разведчика. Судя по содержанию, он адресован кому-то из менделеевцев, заинтересовавшихся газетным материалом. Выяснить адресата этого документа пока не удалось.

Вот как на закате жизни, более чем в 85-летнем возрасте, видел Жорж Абрамович основные вехи своей судьбы. Текст публикуется по автографу, сохранены орфография и пунктуация рукописного источника. Это рукописный документ из личного архива Ж.А. Ковалю. Судя по содержанию, написан между 3 мая 2000 г (дата выдачи наградного удостоверения к нагрудному знаку «За

службу в военной разведке») и 19 апреля 2002 года (дата публикации большой статьи «Операция «Дельмар»» в газете «Красная звезда»).

«Родился я 25.XII.1913 г. в США, в городе Sioux City (Сью Сити) штата Айова. Мои родители были эмигрантами из России (Западная Белоруссия). Отец² был плотником, мать³ – домохозяйкой. В 1932 г. всей семьей (у меня было 2 брата) мы переселились в СССР – в Биробиджан (теперь Еврейская Авт. Обл.) Нас поселили в Коммуну «Икор», строить дома и осваивать целинные земли⁴. Я в Биробиджане поработал 2 года: трудился на лесозаготовке, строительстве домов, слесарем.

В 1934 г я отправился в Москву на учебу и поступил в МХТИ, так что начало связи с МХТИ – 1934 г. Я учился на кафедре ТНВ, выполнил дипломную работу в лаборатории редких газов ВЭИ. Закончил институт в 1939 г, и осенью этого года был зачислен в аспирантуру (без экзаменов – по рекомендации ГЭК'а), продолжая связи с МХТИ.

По рекомендации Комитета Комсомола МХТИ со мною начали вести переговоры (как потом оказалось) работники Разведывательного Управления Генштаба Советской Армии о поездке на нелегальную работу за границу⁵. Я согласился и 25.X.1939 г я вступил на военную службу.

После прохождения подготовки для развед работы (в Москве), осенью 1940 г я был нелегально переправлен в США.

Моя развед работа в качестве нелегала длилась до ноября 1948 г, когда я вернулся в Москву. Наиболее значительными событиями в моей развед деятельности была работа на сверх-секретных объектах, где разрабатывались технологии производства «ингредиентов» атомных бомбов⁶ (и производились эти вещества), в широко известном Ок Ридже и менее известных лабораториях в Дейтоне, штат Огайо. О моей работе в Ок Ридже, рассказана в статье, опубликованной у нас в 1999 г. Там моя фамилия не названа, а названа моя «кличка». Могу подтвердить, что все сказано там достоверно (за исключением «доктор химических наук»).

Я демобилизовался 6.VII.1949 г. В военном билете записано звание «рядовой», квалификация «стрелок» [Впрочем, во время моей командировки в США я был призван в армию США и прошел полную (около 6 месяцев) подготовку как «combat engineer» (сапера) Демобилизован из армии США в звание старшего сержанта]

Я награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941 – 1945 гг.»⁷, нагрудным знаком (но.183) «За Службу в Военной Разведке», имею удостоверение «Ветеран Военной Разведки».

Какова же «истинная роль» в атомных проектах США и СССР этого внука «равина без должности», второго сына белорусского еврея, родившегося в евангельской по роду занятий родителей – плотник и домохозяйка – се-

мье? Что сделал для успеха глобальных проектов уроженец провинциального городка Сью-Сити штата Айова – этой, как его называют американцы, «середины ничего», добившийся там, тем не менее, членства в обществе «Студенческой чести»? Каков вклад в «атомную проблему» юноши, сменившего американскую глубинку на советскую дальневосточную и роль «дебатера» на междушкольных олимпиадах на работу дранокола и слесаря биробиджанской Коммуны «Икор», сумевшего попасть в Москву и стать студентом МХТИ им. Д.И. Менделеева? Как женившийся на внучке московского фабриканта-кондитера студент, блестяще окончивший институт, «по рекомендации Комитета Комсомола» оказался в сверхсекретном американском Ок-Ридже и ещё более секретном Дейтоне, где своими знаниями оказал практическую помощь производству плутония и полония («ингредиентов» атомных бомбов)? О чем он сообщал в Центр, генералу Судоплатову, и каким образом, избежав внимания ЦРУ, легально покинул США и из Франции на знаменитом «Восточном экспрессе» через Гавр и Прагу вернулся в Москву? И, наконец, почему, к полному изумлению биографа, не попал после всего этого ни в команду Курчатова, ни в ГУЛАГовский контингент, а просто за 54 дня до первого советского атомного взрыва уволился из ГРУ ГШ в звании рядового и всю жизнь после этого занимался вопросами химической технологии и автоматизации химических производств?

Сам Жорж Абрамович говорил об этом достаточно скупо и только в последние годы своей долгой жизни – после выхода в свет известной книги В. Лота «ГРУ и атомная бомба», на экземплярах которой он и «раскрывал» свои отношения с военной разведкой. А расспрашивать его было как-то неудобно – мне лично казалось, что пристальный интерес к его «профессиональным секретам» разрушает гармонию тех человеческих отношений, которые складывались десятилетиями.

Если же говорить о его профессиональной деятельности как технолога в области производства плутония и полония (Ок Ридж и Дейтон, США) и разведчика ГРУ ГШ, о тех результатах, которые она объективно принесла американскому и советскому атомным проектам, то изучение этого вопроса ещё ждёт дальнейших исследований.

Есть основания полагать, что в обоих проектах это были весьма существенные результаты. Но здесь, в отличие от «человеческой биографии», попытки выйти на контакты с источниками информации гораздо более трудны, сами контакты более напряжены, а полученная информация гораздо более скудная. Причем четко видно – речь не идет о том, что такой информации нет. Она точно есть (хотя бы потому, что кроме предъявленной Президенту и телезрителям фотографии, в музее ГРУ ГШ, конечно же, есть и специальный фонд Ж.А. Коваля), но ее не хотят раскрывать ни в России, ни в США, хотя со времени событий ми-

новало 55 – 65 лет. Свою версию о том, почему так происходит, я выскажу позже.

Что касается скромной оценки Ж.А. Ковалем результатов своей работы, то на этот счет есть и другие, весьма отличные авторитетные мнения. Об объективной важности работы именно Ж.А. Коваля на первом, заложившем основу всего Атомного проекта, этапе, можно судить вот по этому отрывку из воспоминаний Героя России разведчика В.Б. Барковского: «... у Сталина в конце 1942 г. состоялось совещание с участием академиков А.Ф. Иоффе, Н.Н. Семенова, В.Г. Хлопина и П.Л. Капицы, на котором и было принято решение приступить к созданию собственного атомного оружия и образовать с этой целью специальный центр, который под названием Лаборатории №2 АН СССР начал функционировать в марте 1943 г. под руководством И.В. Курчатова.

Это обстоятельство придало особую остроту необходимости в короткие сроки создать в США и Англии агентурную сеть, состоящую из осведомленных, непосредственных участников соответствующих ядерных программ <курсив мой – Ю.Л.>. Темпы решения этой задачи в Нью-Йорке и в Лондоне оказались различными. Если в Лондоне агентурная сеть сложилась и нормально функционировала, начиная с 1943 г., то о положении дел в Нью-Йорке свидетельствует письмо резиденту в июне 1944 г., в котором говорилось, что «наряду с наличием положительных моментов в раз-

работке «Энормоз» (кодированное название проблемы атомного оружия), ход ее в целом остается неудовлетворительным. За время нашей работы по «Энормоз», несмотря на наши постоянные напоминания (в 1942 и 1943 гг. – В.Б.), ... *кроме агента «Д» мы ничего не имеем* <курсив мой – Ю.Л.>. «Т» (Клаус Фукс – В.Б.) в счет не идет, так как он передан Вам в готовом виде».

Как видно из этой цитаты, в то время московское руководство ценило «агента «Д»» (сейчас очевидно – именно Дельмара, как единственного «из осведомленных, непосредственных участников соответствующих ядерных программ») даже выше, чем К. Фука! Так что скромность самооценки – это показатель нравственного уровня Ж.А. Коваля, а не объективная оценка его роли.

В развитие аргументации важнейшего значения роли Ж.А. Коваля обратим пока внимание ещё на два факта, приведенные В. Лота.

Первый факт относится к целому комплексу причин, мешающих объективации результатов работы разведчика Коваля. В. Лота сообщает, что «до сих пор ещё не удалось найти около 100 страниц отчетов, написанных Дельмаром об Ок-Ридже и лаборатории».

Вдумаемся в этот факт. Уполномоченному военному историку, специализирующемуся на истории ГРУ, не удалось найти в архивах ГРУ 100 страниц отчетов разведчика-нелегала! Причем это отчеты, содержащие не политическую или экономическую, а сугубо техническую и научную ин-

формацию. И относится эта информация к тем областям, в которых она в свое время была жизненно важна – к технологическим вопросам производства атомного оружия! Понятно, что информация политического характера могла быть приятна или не приятна и, соответственно, использоваться или нет МИДом, ЦК КПСС или кем-то из «вождей» лично. И пропажа связанных с ней документов – дело вполне объяснимое: прочли, учли и уничтожили. Но куда может пропасть отчет о производстве плутония в Ок-Ридже? Ведь материалы Ж.А. Ковалья имели совершенно других адресатов – ученых, инженеров, технологов.

Рассмотрим ставшие известными сейчас бюрократические механизмы прохождения научно-технических разведанных. К тому времени, когда Ж.А. Коваль писал эти отчеты, механизм «реализации» подобного рода информации включал рассмотрение ее в отделе «С» редакторами-консультантами А.Н. Рыловым и Я.П. Терлецким и доклад о ней на заседании «Научно-технического совета по «Проблеме № 1» с определением - в какое научно-техническое подразделение тогда уже огромного Атомного проекта («Курчатовского колхоза») ее направить.

Как пишет Я.П. Терлецкий, докладывавший на совете, ему разъяснили, что «докладываемые материалы являются сверхсекретными и никому нельзя давать каких-либо намеков на их происхождение». А докладывались они как «материалы бюро №

2». Подразумевалось, что это «бюро» - тоже одно из технических подразделений атомного проекта. В длинной бюрократической цепочке разведывательные материалы обезличивались уже на входе в отдел С. И в 1945 - 1948 годах Я.П. Терлецкий и А.Н. Рылов были просто «завалены» документами. «Как я узнал в дальнейшем, - сообщает Я.П. Терлецкий, - в сейфах отдела С находились около 10000 страниц этих, в основном американских, секретных отчетов».

Могли ли в этих десятках тысяч документов «раствориться» несколько десятков «ковалевских листов»? А потом, при многочисленных «реорганизациях» и, в конечном счете, ликвидации отдела С, просто «затеряться»? Безусловно, могли! Но неужели в ГРУ не оставляли себе копии исходящих документов такого уровня? Вот в это верится с трудом. Но я укрепляю свою веру в достаточно большую вероятность «простой пропажи» тем, что вспоминаю опыт своей работы в архивах Москвы – могли пропасть документы, ещё как могли! И пропасть могли, и появиться...

Но все же, в нашей стране имеется ещё множество государственных, ведомственных и личных архивов, хранящих важные материалы по этой теме. В самом авторитетном документальном источнике по Советскому атомному проекту – много-томному изданию «Атомный проект СССР. Документы и материалы под редакцией Л.Д. Рябева» (где, кстати, ни фамилии разведчика Ковалья, ни оперативного источника

с псевдонимом «Дельмар», нет), содержатся документы 16 архивов и специально оговорено, что многие материалы и целые архивы остались недоступными даже для сотрудников этого издания, осуществляющегося в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 17 февраля 1995 года. Значит, не все источники исследованы и нас ещё ждут важные архивные находки.

Это поддерживает мой оптимизм и питает надежду – пропавшие листы обязательно найдутся.

Обратим внимание на то, что именно обезличенная информация передавалась специалистам и потому многие из них совершенно искренне могли даже не догадываться об истинных ее источниках и авторах, веря в существование какого-то технического «Бюро №2», а достигнутые с ее помощью результаты совершенно естественно приписывали собственным заслугам. Историческая же справедливость требует, чтобы у этих результатов – конечно, не за счет умаления роли тех, кто использовал и развивал «сырые» пионерские идеи – были вскрыты корни, связывающие их с мировым научно-техническим прогрессом.

Второй факт является конкретизацией выводов из факта первого. Среди немногих конкретных донесений Ж.А. Ковалья, о которых сообщает В.Лота, есть такой документ. Это докладная записка на имя генерал-лейтенанта НКГБ П.А. Судоплатова, направленная 22 декабря 1945 года и подписанная началь-

ником 1-го управления ГРУ ГШ генерал-майором танковых войск В.Е. Хлоповым на основании донесения «Дельмара».

«Изготовленный полоний отправляется в штат Нью-Мексико, где используется для создания атомных бомб... Полоний производится из висмута. На 1 ноября 1945 года объем продукции завода составил 300 кюри полония в месяц, а сейчас доведен до 500 кюри. *О производстве полония и его использовании нигде не сообщалось.* <курсив мой – Ю.Л.>

Краткое описание процесса производства полония выслано нам почтой и по получению будет немедленно направлено Вам».

Публикация текста докладной записки в книге В. Лота предваряется весьма странным замечанием: «полонием в то время называли нынешний плутоний». Что стоит за этой явной дезинформацией – не берусь судить. А вот что известно из специальной литературы о реальной «полониевой проблеме» в Советском атомном проекте. Как пишет М.П. Грабовский, в книге «Атомный аврал» («Научная книга», 2001 г): «...проблема, мучившая Харитона, - это нейтронный запал для бомбы: пресловутый НЗ!

Главной деталью нейтронного запала является высокоактивный полоний. Этот искусственный химический элемент был открыт в 1898 году французскими учеными Марией и Пьером Кюри, которым удалось получить его из радия. Однако необходимого запаса радия в СССР не было.

Перспективы разработки новой технологии получения полония открылись с пуском первого экспериментального реактора Ф-1...

Если облучать внутри котла мощным потоком нейтронов предыдущий элемент в таблице Менделеева – № 83, то, поглощая нейтроны, часть ядер его в конечном итоге превратится в элемент № 84, в полоний. Элементом № 83 является висмут. Двум группам ученых (доктора Зива в РИАНе и доктора Ершовой в НИИ-9) была поставлена задача разработать химическую технологию выделения полония из облученных в реакторе висмутовых блочков...»

Кем же «была поставлена задача» и на основании чего? Мне представляется совершенно очевидным, что задача эта была поставлена именно «Научно-техническим советом по «Проблеме № 1»» на основании цитировавшейся Докладной записки В.Е. Хлопова П.А. Судоплатову. Логично предположить, что и «краткое описание процесса производства полония», составленное Ж.А. Ковалем, было доведено до сведения групп доктора Зива и доктора Ершовой.

В момент получения этого задания в СССР и висмута в необходимых количествах не было. Так что в течение нескольких лет пришлось разрабатывать процессы и добычи, и металлургии и облучения висмута на маломощном котле Ф-1. Было у ученых время из составленного Ж.А. Ковалем «краткого описания» и сделать полное, и воплотить его в «технологический металл».

Наступил 1949 год. У Курчатова уже был необходимый для бомбы плутоний. Но Харитон понимал – не будет полония, не будет и атомного взрыва. Можно представить, с каким вниманием сравнивались имевшиеся к тому времени результаты групп Зива и Ершовой, основанные на информации Ковалю конца 1945 года.

Теперь понятно, почему в комментарии к выступлению В.В. Путина на церемонии передачи Звезды Героя в музее ГРУ 2 ноября 2007 года, сказано: «Добытая Ж. Ковалем, имевшем оперативный псевдоним Дельмар, информация помогла существенно сократить сроки разработки и создания отечественного атомного оружия, что обеспечило сохранение военно-стратегического паритета с США».

Однако, вернемся к истории советского полония. Продолжим цитату из книги М.П. Грабовского: «Технологическая схема, разработанная в НИИ-9 под руководством Ершовой, была практически аналогичной <той, которая получалась у группы Зива – прим. Ю.Л.>, но сама установка являлась более мощной, напоминающей полупроизводственный цех. Именно сюда поступили более сотни висмутовых блочков, облученных мощным нейтронным потоком в промышленном реакторе «А», пущенном в это время в Челябинске. Активность этих блочков была очень высокой, и работа с ними представляла серьезную опасность. Однако все они были переработаны в первом квартале 1949 года. Весь полученный поло-

ний был отправлен поездом в КБ-11, где к тому времени создана специальная лаборатория по изготовлению НЗ (руководитель Л.Я. Апин). И только в июне 1949 года, как последняя деталь к уже готовой бомбе, были сконструированы и изготовлены четыре НЗ мощностью около 50 кюри. К моменту испытания АБ все они были доставлены на Семипалатинский полигон. В самый последний момент окончательно выбрали один из них, с наилучшими характеристиками...»

Как видим, «отечественный полоний» рождался в муках. Сам Ж.А. Коваль, конечно же, своим технологическим опытом мог оказать советским ученым неоценимую помощь! В том числе и в вопросах радиационной безопасности при работе с действительно очень опасным полонием. Ведь, как сообщил мне А. Крамиш, ещё в августе 1944 года в Ок-Ридже Ж.А. Коваль работал в физической лаборатории по охране здоровья («health physics laboratory»).

И то, что огромную роль в этом деле сыграла группа З.В. Ершовой, деятельность которой прочно вошла в историю Советского атомного проекта – совершенно несомненно. Но мог ли быть достигнут этот успех без той Докладной записки, о существовании которой сообщил В. Лота? Ведь до нее «о производстве полония и его использовании нигде не сообщалось». Да и о ней самой – я уж не говорю об источнике ее появления! – никто из ученых наверняка ничего не знал.

Поэтому не вызывает

удивления вот такой финал рассказа о «советском полонии» очень компетентного автора, рассказавшего нам так много интересного об этой важнейшей части Советского атомного проекта: «Как добывали полоний американцы, неизвестно».

Сегодня ясно – «кому нужно» было известно об американской технологии! Но технология – тонкая штука. Опытный технолог, который сам держал в руках и полоний и плутоний, вряд ли «помешал» бы работе и в группе Зива, и в группе Ершовой. Чем же занят в преддверии испытания первого нейтронного запала Ж.А. Коваль? Он же уже здесь, в Москве! Но занят тем, что ожидает решения МИДовских кадровиков – в каком качестве он может послужить стране? Решение кадровиков нам известно – в качестве отставного рядового Генштаба...

Не следует думать, что такое решение обязательно было следствием «глупости» кадровиков. Вполне может быть, что как раз наоборот! При анализе этого удивительного кадрового решения не следует исключать, что оно имело совершенно иную, чем оценка работы и квалификации Ж.А. Ковалья, цель. Учтем, что вероятность возникновения интереса органов МГБ к рядовому Красной Армии гораздо меньше, чем, если бы речь шла о, скажем, полковнике. И тот человек, который формулировал именно такую запись в приказе об увольнении, (запись, переходящую в трудовую книжку!), может быть, пытался таким образом спасти Ж.А. Ковалья

от последующего внимания «карательных органов». В таком случае мы должны быть глубоко благодарны этому человеку.

Рассмотренный пример показывает, что может скрываться на «пропавших» листах ковалевских отчетов. Впрочем, нам неизвестно содержание и куда не пропадавших листов. Их видел В. Лота, их каждый день могут видеть сотрудники архива ГРУ, и их когда-то увидят и те, кто сможет дать им квалифицированную научно-историческую оценку...

**Парадокс четвертый:
«Кто Вы,
товарищ мистер Коваль?»**

Мы рассмотрели несколько парадоксов судьбы Ж.А. Ковалья из сферы «общественно значимых» ее проявлений. Но, как и у всякого человека, у него была и «малая» и «большая» Родина, была земля, на которой жили и умерли его родители, и была «просто очень длинная жизнь», «просто монотонный быт», правда, среди этой «длинной монотонности» встречались периоды с такой концентрацией «нестандартных ситуаций», полные таких неожиданных поворотов, зигзагов и невероятных совпадений, содержащие такие колоритные эпизоды, что для их описания и осмысления требуется отдельное подробное исследование.

Уже имеющиеся материалы показывают, что для создания целостного образа Ж.А. Ковалья необходимо выделить отдельные нити его «жгута состояний». Такой

методический подход я уже использовал для интерпретации документа, известного как «Письмо разочарованного Ильича». И он нашел понимание у некоторых серьезных специалистов-историков.

В случае биографии Ж.А. Ковалея метод «жгута состояний» позволит, как я надеюсь, преодолеть те трудности, которые возникают в данном случае и из-за барьеров секретности и по причинам специфики сопряжения судьбы Ж.А. Ковалея с важными историческими событиями XX века. Насколько оправданны мои надежды – покажет дальнейшая работа по изучению его биографии.

Вот только один пример, в котором явно видны следы различных нитей, составляющих жгут его личности.

Нить первая

С одной стороны, для всех, знавших Ж.А. Ковалея, очевидно – он был советским человеком не по паспорту, а по духу своего мировоззрения. Именно «советским человеком», а не «совком». Смысл этого противопоставления будет очевидным для читателя, если я скажу, что смотрел он на мир (во всяком случае, в молодые годы) глазами любимого им поэта В. Маяковского, а не его героя «Пьера Скрипкина (Присыпкина)».

И в такое восприятие вполне естественно вписывается фраза из опубликованного выше документа, где он говорит, что когда через Комитет комсомола ему предложили «нелегальную работу

за границей», «я согласился». Ситуация на первый взгляд проста – комсомольцу что-то поручают, а он, естественно, радостно соглашается. Это одна, ясно видимая нить его биографии.

Нить вторая

У этого жизненного эпизода есть и другая сторона. И есть другой Ж.А. Коваль, точнее, другая нить жгута его личности, тот Коваль, который в 1939 году не может не понимать, что проживание в семье с тещей, купеческой дочерью, в коммунальной квартире дома, бывшего до революции ее собственностью, с женой, имеющей выговор «по комсомольской линии» за утерю бдительности (каковая утеря выразилась в недонесении в Комитет комсомола о факте ареста своей двоюродной сестры), сделает его отказ от «комсомольского предложения» просто «самодоносом» со всеми вытекающими из этого в те времена последствиями.

То, что это – не пустые «теоретические фантазии» сомнительной теории жгутов, должно стать ясно из публикуемого ниже документа. Это – реальный «звоночек», который однажды услышал Жорж Абрамович, проснувшись утром «в лагере социализма», звоночек о том, что хотя вокруг – «взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество» (из Конституции СССР в редакции от 17 марта 1931

года), но и арест с последующим исчезновением из этого «лучшего из миров» - вовсе не невозможное событие!

Второй публикуемый здесь документ из личного архива Ж.А. Ковалея – это анонимное письмо, полученное им от «друга»:

Дорогой друг Жорж!

У Вас в квартире живет Громова Галина Львовна, которая имеет большую связь с милицией и со следственными органами. Своим болтливым языком разглаживает этим лицам - кто Вы есть, чем Вы занимались дома и откуда Вы явились в Москву. Вы бывшие помещики, имеете печатную машину, на которой все время дома печатаете, устраиваете часто вечера с неизвестными лицами. Будьте осторожны.

Ваш друг.

Сожгите это письмо.

Нить третья

Не сжег Жорж Абрамович эту «весточку друга». И, как мне кажется, не поднялась рука на этот документ у третьей «нити» его личности, для которой слова «Мы ценим наши свободы, мы будем отстаивать наши права» - девиз штата Айова, его «малой родины» - вовсе не пустая декларация. А, согласно теории жгута личностей, нужно искать следы и четвертой, и пятой и... многих других нитей!

Чего стоит хотя бы то ветвление реальности, в котором самого Жоржа Абрамовича просто не было – одна из нитей жизни его матери. В этом ветвлении она не поехала в Америку, а продолжила свою революционную деятельность в России! О возможности существования такой нити Жорж Абрамович узнал только после ее смерти из письма отца, извещавшего его об этом печальном событии.

Дело в том, что в белорусском местечке Телеханы, где она родилась и прожила до отъезда в Америку в 1911 году, была «стеклянная фабрика». На ней она проработала 16 лет – с 10-летнего возраста! (Ее отец, хотя и был раввином, но никакой официальной оплачиваемой должности не имел, так что деньги «на жизнь» зарабатывали другие члены семьи, и, в частности, дети). На фабрике «между рабочими имелась революционная подпольная группа, к которой она примкнула и стала социалистом еще в 3-м году, когда в местечке никто не знал и не слышал слова «Социализм». Что произошло с ней в этой ветви бытия, что пришлось претерпеть – можно только гадать. Во всяком случае, в нашей реальности, «здесь и тогда» за свои убеждения она заплатила разрывом с семьей, поскольку, разумеется, в революционное подполье она пошла против воли отца-раввина, который за это «над ней издевался, избивал, таскал за волосы, уничтожал ее книги и брошюры».

Но в ее «ментальном мире» воспоминания об «участии в революции», в нелегальной маевке («в Первомайском празднике в лесу»), как пишет об этом Абрам Исаакович) сыграли, видимо, значительную роль при принятии решения о возвращении в СССР в 1932 году. А, значит, тогда, в начале 30-х годов, в Америке произошла весьма важная для судьбы Жоржа Абрамовича эвереттская склейка судеб его матери...

Как бы то ни было, но в виде публикуемого здесь

Ю. Лебедев и Ж.А. Коваль в Подмосковье, начало XXI века

письма «анонимного друга» остался в истории след от склейки, по крайней мере, трех нитей жгута его личностей...

Впрочем, предполагаемый подход вовсе не исключает «классического историко-научного», и я буду только рад, если кто-то из историков приложит усилия и в этом направлении.

В заключение я хотел бы выполнить свое обещание и высказать соображения о том, почему и в США, и в России по прошествии более чем полувека не спешат раскрыть подробности «Операции «Дельмар».

В финале книги В. Лота «ГРУ и атомная брмба» приведены потрясающие по глубине слова самого Ж.А. Ковалья, который, видя эти причины «изнутри», сказал, что «пусть в истории лучше будет больше белых пятен, чем черных страниц» (выд. мною – Ю.Л.).

Ни в коем случае не оспаривая эту его мысль, замечу только, что убежден – на самой черной странице исто-

рии, там, где встречается имя Ж.А. Ковалья, оно будет связано с самым светлым ее фрагментом...

И очень хотелось бы, чтобы именно эти, теплые и светлые фрагменты суровой и мрачной истории атомного проекта, сохранились не в музее ГРУ, а в душах и сердцах людей, живущих именно в этом мире благодаря выборам тех ветвлений судьбы, которые сделал в своей жизни Жорж Абрамович Коваль.

Примечания

1. Готовя эту публикацию, я проверил ссылку. И обнаружил, что данная страница снята с сайта. Но я свидетельствую – стояла она больше года после присвоения Ж.А. Ковалю звания Героя России.

2. Коваль Абрам Исаакович, родился в местечке Телеханы (Белоруссия) в 1883 г., умер в совхозе «Волочаевский» Смидовичского района ЕАО в 1964 году.

3. Коваль (до замужества – Шенитская) Этель Исааковна, родилась в местечке Телеханы (Белоруссия) 1885 г., умерла в

«Колхозе им. 18 Партъезда» Смидовичского района ЕАО в 1952 году.

4. Как гласит семейное предание, Ковали действительно собирались вернуться на родину – в белорусский городок Телеханы. Однако «человеколюбивые органы», ведавшие судьбой переселенцев, узнав, что у Абрама Ковалю во время пути на ногах обострилась экзема, под этим предлогом категорически воспротивились желанию Ковалей ехать в Белоруссию. «Там ужасный климат, это вредно для вашего здоровья!» – было сказано А. Ковалю, и всю семью отправили в Биробиджан, «целительный климат» которого свел в могилу мать Жоржа Абрамовича и стал источником страданий для Абрама Ковалю до конца его дней...

5. Это место воспоминаний Жоржа Абрамовича поразительно созвучно со следующим рассказом В.Б. Барковского, одного из признанных в последнее время «атомных разведчиков», работавшего в Англии и удостоенного за эту работу звания Героя России: «Весной 1939 г. наш комсомольский вожак завал меня как-то к себе и сообщил, что на следующий день я должен явиться на Старую площадь. На мой недоуменный вопрос, зачем мне, ещё комсомольцу, надо туда являться, последовал ответ: «Там тебе скажут.

В ЦК в приемной какого-то кабинета я обнаружил более сотни таких же, как я сам, выпускников московских втузов. Поодиночке мы представляли перед какой-то многочисленной комиссией, в составе которой, как я через несколько лет определил, был начальник внешней разведки П.М. Фитин. Потом заполняли анкеты, уча-

ствовали в беседах, так и не понимая, зачем мы все это делаем. Только после того, как нас собрали в спецшколе разведки, было объявлено, что нам предстоит превратиться из обыкновенных инженеров в необыкновенных разведчиков... После окончания спецшколы летом 1940 г.» (Цит. по «Это была увлекательная работа...» Интервью с «атомным разведчиком» проведено и подготовлено к публикации В.П. Визгиным», сборник «История Советского Атомного проекта: документы, воспоминания, исследования», вып 1, из-во «Янус-К», М., 1998 г., с.94). Судя по всему, среди этих «выпускников московских втузов» был и Ж.А. Коваль. У В.Б. Барковского и Ж.А. Ковалю совпадают и даты работы этой партийной комиссии, и время окончания спецшколы. В архиве РГАСПИ я попытался найти документы, относящиеся к организации и проведению этой встречи в ЦК ВКП(б) весной 1939 года. Поиск по протоколам заседаний ЦК результатов не дал.

6. Те, кто имел счастье лично знать Жоржа Абрамовича, сразу же «услышат» здесь его совершенно невероятный по своему обаянию акцент. Для остальных же скажу – это именно речевая оговорка. Писал по-русски Жорж Абрамович блестяще и в качестве редактора был известен и соавтором и своим аспирантам как строгий стилист с безупречным вкусом.

7. Это, вероятно, уникальный случай. В мае 1945 года, когда происходило награждение этой медалью, Жорж Коваль, уроженец Сью-Сити, штат Айова, под своим настоящим именем служил одновременно рядовым Красной Армии и сержантом армии США, т.е. принимал участие во Второй

Мировой войне в составе двух союзных армий. Но, по положению об этой медали (см. газета «Правда» от 10 мая 1945 года), «... Медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941- 1945 гг.» награждаются: а) все военнослужащие и лица вольнонаёмного штатного состава, принимавшие в рядах Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД непосредственное участие на фронтах Отечественной войны или обеспечивавшие победу своей работой в военных округах; б) все военнослужащие и лица вольнонаёмного штатного состава, служившие в период Великой Отечественной войны в рядах Действующей Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД, но выбывшие из них по ранению, болезни и увечью, а также переведённые по решению государственных и партийных организаций на другую работу вне армии». Если внимательно прочесть этот текст, то ни в качестве красноармейца, ни, тем более, «combat engineer» армии США, эта медаль не была ему положена. Как красноармеец он не был в рядах Действующей Красной Армии и даже не «обеспечивал победу своей работой в военных округах», ибо ни Ок Ридж, ни Дейтон в состав каких-либо советских военных округов явно не входили. А американским саперам такая медаль и вовсе не полагалась. Абсурдность такого нелепого положения исчезла только сегодня, после Указа №1404 Президента России...

Тут Жоржа Абрамовича подвела память. Кроме перечисленных, он в 1948 году был награжден медалью «XXX лет Советской армии и флота».

КОРОТКИ ВСТРЕЧИ НА ЧИСТОМ СНЕГУ

К.Т.Н. Якушев В.И.

Академики человеческих душ, писатели и поэты, отмечают, что жизнь человека - страдание. С академиками не спорят. Наличие интересной работы, творческого окружения, любви - составляют редкие исключения...

В октябре 1966 г. по семейным обстоятельствам я переходил на вечернее отделение. Декан топливного факультета, в то время доцент Родионов А.И., подписав заявление, поинтересовался трудоустройством. Выслушав меня, взял паузу и, дважды куда-то позвонив, сказал: «На кафедру общей химической технологии требуется механик. Сходи туда, ты же электрик».

Через час я беседовал с высоким человеком в сером костюме с большим галстуком. Мы стояли посреди лаборатории автоматизации химических производств, а Жорж Абрамович Коваль немного покачиваясь взад-вперед слушал меня. Молчаливые людистораживают собеседника. Но его покачивание как-то располагало к себе.

Через неделю я приступил к работе в должности ме-

ханика. Работа была связана с обеспечением учебного процесса.

В период работы на кафедре у меня создалось впечатление, что Жорж Абрамович находится где-то далеко, как будто в другом измерении, но это было не так. Через полгода у меня возникли трудности с изготовлением царг из оргстекла для абсорбера диаметром 160 мм, и Коваль (в народе Жоржа Абрамовича часто называли по фамилии), неожиданно оказавшийся рядом, спросил о трудностях. Необходим был металлический стол с равномерным обогревом. На следующий день, возвращаясь с лекции, Жорж Абрамович заметил: «На кафедре процессов и аппаратов что-то похожее имеется». Каково же было мое изумление, когда на этой кафедре уже ждали моего прихода. Впоследствии на этом абсорбере была сделана дипломная работа.

Потребности в такой поддержке возникала довольно редко, но защищенность и возможность получения поддержки чувствовалась четко.

В октябре 1968 г. произошло сильное задымление на

чердаке за лабораторией кибернетики, где месяц назад был установлен компрессор для подачи воздуха в лабораторию автоматизации. Мы бросились туда. Буквально сзади меня оказался старший преподаватель Грачев В.И. Наше оборудование не имело отношение к ЧП.

Все, кто был на кафедре, (а был конец рабочего дня) встречали нас в дверях, кто-то напоил чаем. Через час меня позвали к телефону. Звонил Жорж Абрамович, расспрашивал, что да как...

К числу необычных случаев следует отнести следующее. Иногда при разговорах Жорж Абрамович держал руки в карманах. Как-то он шел на лекцию и о чем-то заговорили в коридоре кафедры. Коваль достал из кармана съемную деталь с радиационного уровня и крутил ее в руках. «А это не опасно? – спросил кто-то, – радиации не бывает старой». На что Коваль заметил: «Может быть».

Присутствовавший при этом разговоре дотошный Грачев В.И. на следующий день с «интересной» деталью пошел в серый корпус. Внутренний, красивый прибор

Кафедра ОХТ конца 1960-х. Ведущие преподаватели (слева направо): Коваль Ж.А., Фурмер И.Э., Малахов А.И., Бояркин П.И., Строганов В.Ф., Стойкова А.М.

определения уровня радиационным методом, на котором студенты в тот момент не работали, к концу года убрали.

Период работы и учебы для меня, как и для всех, был труден, в том числе и материально. И когда встал вопрос преддипломной практики, то есть моего отсутствия, Жорж Абрамович принял участие в решении вопроса, и с его подачи практиканту оформили две командировки (Рязань, катализаторная фабрика; Славянск, старый и новый содовый заводы).

Я не был одинок во внимании Ковалю Ж.А. Он тепло, внимательно и с большим пониманием относился к ученикам и коллегам. Но не был одинок и Коваль. «Старая гвардия» кафедры «пасла» подрастающее поколение. Всем нам было с кого брать пример.

Эlegantный ассистент Лев Гришин спешит на одну из первых своих лекций. У входа в корпус МХТИ достает из портфеля газету, отбирает у меня очередную связку медных трубок и подымает на кафедру. В то время делали разводку от газовых баллонов.

Видя моё притяжение к производству, соруководитель дипломной работы Жуков А.П. знакомит с отраслевым институтом НИУИФ им. профессора Я.В. Самойлова, где впоследствии за 25 лет работы я прошел по служебной лестнице до заведующего сектором.

Дипломная работа: «Исследование массо-передачи и гидродинамики в абсорберах с подвижной шаровой на-

садкой» была выполнена под руководством моих учителей Ковалю Ж.А. и в то время аспиранта Жукова А.П. По результатам работы была опубликована статья в научном журнале. Моя первая статья.

Менделеевский институт (РХТУ им. Д.И. Менделеева) это судьба, школа, становление, профессия, любовь, жизнь! Кстатi, со своей будущей женой я познакомился в лаборатории автоматизации.

Группа ИХТ факультета выполняла работы в лаборатории автоматизации химических производств. Заметив двух симпатичных девушек в смелых платьях, я, узнав какую работу они будут делать, уменьшил чувствительность прибора и снял провод с одной из клемм. Рассчитывал, что позовут. Но они стали разбираться сами. В это время Коваль возвращался с лекции. Студентки, зная лектора, обратились к нему. Заметив такую ситуацию, я подошел. Посмотрев на приборы, студенток и меня, Жорж Абрамович улыбнулся: «Он будет работать». «Кто? Сотрудник, прибор?» - сказала школьная медаль студентки. После небольшой паузы Коваль заметил: «Оба,... вы тоже».

Вот уже 39-й год медалька готовит мне и уже нашим внукам обеды и ужины. Более полутора лет назад бывшая Люся Желамская прокричала у телевизора: «Коваль! Звезда! ГРУ!»

Вместе стали ждать десятичасового выпуска новостей. И были поражены неожиданностью - Указом президента «О присвоении звания Героя Российской Федерации Жоржу Абрамовичу

Ковалю». Участие в решении задачи – создания отечественного атомного оружия – было оценено.

Трехлетний период работы на кафедре нашел отражение в двадцати страницах моего дневника. Часть событий и фактов приведены выше.

Счастливого, улыбающегося человека, крупного ученого, надежного спутника, наставника – Ковалю Ж.А. в день семидесятилетия пришли поздравить бывшие дипломники, аспиранты, коллеги, друзья. По традиции такие торжества отмечались на кафедре, в лаборатории автоматизации химических производств. Включали все приборы, огни подмигивали нам и о чем-то жужжали.

Свой тост я закончил притчей:

– ... по преданию народов севера каждый прожитый год человека отмечается появлением звезды на небе, каждые десять лет появляется большая звезда и сегодня закончилось формирование ковша Ковалю. Ковша доброты и нравственности, и нам, ученикам и коллегам, нести этот ковш. В дни горестных дождей мы будем спотыкаться, и тогда из него на землю будут падать звезды.

Прошли годы, мы все уже спешим на встречу с Жоржем Абрамовичем, хотим узнать тайну манхэттенского атомного проекта из первого источника.

ГРУ не возражает, да и ФБР уже не молчит.

ОАО »СИС - натуральные ресурсы«

«... КОГДА ОНИ ЕСТЬ В НАСТОЯЩЕМ...»

Георгий Каграманов, профессор РХТУ

Хорошие, теплые слова — учитель, учителя. Сразу же вспоминается и воспитательница в детском саду, и милая “Мариванна” в первом классе, и строгий учитель физики, доказывающий, что хорошие футболисты, в отличие от всякого рода “мазил”, сплошь хорошо занимались физикой, потому что явно сперва рассчитывают траекторию полета мяча с коррекцией на скорость и направление ветра, а уж затем только бьют по нему.

Учителя всегда сопровождают нас по жизни, они всегда рядом, стоит только оглядеться. Они иногда физически отдалены от нас во времени и пространстве, но о них всегда вспоминаешь, слегка оглянувшись в прошлое, радуешься, когда они есть в настоящем и “светлогрустишь”, когда...

Исполняется (а когда этот опус выйдет в печать) и исполнится 96 лет со дня рождения моего учителя. Жоржа Абрамовича Ковалья, (он же George Koval, он же Георгий Коваль, он же...).

Всего-то 92 года прожил, а сколько интересного было в его жизни, столько приключений, путешествий, подвигов, труда, любви, учеников.

Родился в Америке, да не просто в Америке, а на Среднем Западе Североамериканских Соединенных Штатов, к тому же в штате Айова, где G G G (Great Grain Grows), в городе Де-Мойн (правильно Des Moines), что по-французски “монахи”, и что, по-видимому, и объясня-

ет некий chevaleresque и легкий французский флёр в его характере и манерах. Яблоки ест с солью!

С самого раннего детства — труд в мастерской отца вместе с братьями: старшим — Исайей и младшим — Гейби. Переезд в 30-е всей семьей в Советский Союз, на Дальний Восток, со всем скарбом, сельхозмашинами и инвентарем, вместе с соседями и друзьями. Хотите новую землю обетованную — берите сколько хотите, в Хабаровском крае. Взяли, вспахали, засеяли, организовали колхозы, построили дома и сёла, дали жизнь дикому краю. Он (Жорж) в том числе. “И божья благодать сошла на .....” Впрочем, это классик о другой стороне.

Так и видится следующая картина. Мудрые отец и мать посылают в Москву для получения высшего образования двух, среднего и младшего, сыновей, старший же остается с родителями. Менделеевка довоенная. Мы ее знаем по рассказам наших учителей. Было все — радость молодости, задор и здоровье, учеба у прекрасных и блестящих преподавателей, каждый из которых занимался не только учебным процессом, но и наукой. На её самом передовом рубеже. Ни один проект, ни один пуск будущих гигантов химии не обходился без этих людей, менделеевцев.

Вместе с этим — террор поздних 30-х. Только вчера ты слушал лекции профессора X — а завтра собрание, на котором о твоём препода-

вателе говорят такое..! Враги народа! Какого? Это же все бывшие московские студенты начала века XX-го, периода расцвета и подъема русской науки. Это цвет настоящей, мыслящей, технологической интеллигенции, это люди, всю жизнь посвятившие прогрессу науки и техники — химической технологии и химической промышленности. А не та, лакейски гуманитарно-паскудная ее часть, которая изменяет своим “идеалам” с периодичностью часовой стрелки (чему мы и сейчас свидетели).

Не думаю, что молодежь студенческая осознала все тяжелые последствия этих репрессий для будущего нашей страны — *gaudeanues igitur...* Впереди жизнь, любовь, семья. Поскорее бы диплом и заживем...

“А завтра была ВОЙНА” и “Все для фронта, все для победы”.

Жорж Абрамович призывается в армию и, судя по официальной биографии, всю войну служит в Генеральном штабе Красной Армии в звании рядового. Но, почему-то, демобилизуется из уже Советской Армии в самом конце 40-х — начале 50-х годов, причем в том же звании. Появляется в Менделеевке. Большинство сверстников, да и более молодых менделеевцев ходят на занятия в офицерских гимнастерках и сапогах, многие заслуженно и гордо носят на груди ордена и медали. А Ж.А. Коваль скромно учится в аспирантуре, причем, что интересно, от науки-

то он не то, что не отстал, а, вроде бы, и преуспел весьма. Не только с успехом защитил кандидатскую диссертацию, но и абсолютно новый учебный курс разработал, научил учеников и внедрил курс в учебный процесс МХТИ. Все конечно чувствуют, что в Великую Войну не сидел он без дела, но точно никто ничего не знает (кроме тех, кому должно знать, а те ...?).

Но мало- помалу, факты и фактики всплывают. Так, например, сидим мы с моим другом и его родным племянником Геней Ковалем на лабораторных занятиях по процессам и аппаратам и считаем Рейнольдсы и Прандтли на логарифмической линейке, на которой чернилами (знать, чтоб не потерять) написано "George Koval" и то ли "New-York city college", то ли "Columbia University" (помоему, все таки последнее). То, случайно, на скромной даче навязываемся помочь, что-то там перекопать, и меня переодевают в американскую военную форму и крепкие военные ботинки 44 размера. Да и эта неизменная "чермопара" на лекциях. Неужели и переучиться нельзя было?

Удивительная его черта — выделяться из людской массы, абсолютно того не желая. Но, видно, что "иностранец", "американец". Эту, внутреннюю, свободу не спрячешь, не сыграешь. Это врожденное — вспомните героев классических вестернов.

Наконец-то куплен новый автомобиль — жигуленок. Как надо трогаться с места, помните? Правильно! Сцепление полностью отжать, набрать максимальные обороты двигателя и сцепление бросить резко. Колеса — жжж, на асфальте дым, зато машина (жигуленок-то) с места — ууух!

Мне очень повезло оказаться в группе учеников Жоржа Коваля. Привёл меня на кафедру ОХТ и именно в группу ЖАКа (Жоржа Абрамовича Коваля), старшекурсник и друг Фима Хуторянский. В первый же день, после краткого разговора о тематике группы (все очень серьезно — массоперенос в аппаратах с подвижной шаровой насадкой) Жорж Абрамович пытался представить меня своему аспиранту Саше Жукову, с которым мне предстояло работать. Но, именно в это время кафедральные футболисты вернулись с игры. Жорж открыл дверь лаборатории, а оттуда повалил табачный дым и послышался гомон обсуждающих прошедшую игру и закусывающих спортсменов. Жорж застенчиво улыбнулся, прикрыл дверь и сказал: "*Репьята после футбола, приттите зафтра*". Я сразу понял,

что пришел по адресу.

Первое время на кафедре моим "микрошефом" был Саша Жуков, а на пятом курсе — Саша Беспалов. "Дядя Жорж" курировал (очень тактично) всю нашу деятельность. Никогда не забуду, как он проверял мою, впечатанную по его настоянию на машинке (*мы же живём в XX веке, Жора!*), дипломную работу и, обсуждая ее с нами с Сашей, сидя на стуле и покачиваясь на его задних ножках (я, помню, очень боялся, что они отвалятся, и дядя Жорж сверзнется), закрыв глаза и засунув дужку очков в рот, сказал: "*Фсё ккоршоу, но этту фразу я пы изменил. Нато написать: Этто яфление имеет место пить...*" Одобрение было получено.

Выводил меня Жорж и члены его группы на защиту диплома так, как обычно провожает тренер своего любимого и молодого боксера на ринг, в бой. И так было с каждым из его учеников. Все они были разными людьми, имеющими свой характер, свои достоинства и недостатки. Но, "странное" дело! После общения и работы под руководством Жоржа Абрамовича Коваля все становились похожими друг на друга (и, я надеюсь, на Жоржа) твердостью жизненных принципов и убеждений, человечностью, любовью к студентам, аспирантам и сотрудникам, преданностью науке и преподавательской деятельности, способностью к анализу и принятию решений.

Спасибо тебе за всё, Учитель!

GEORGE KOVAL : ATOMIC SPY UNMASKED

by Michael Walsh, Smithsonian journal, May 2009

Рожденный в Айове и обученный в армии США, как Джордж Коваль сумел украсть для Советов сверхсекретную американскую тайну атомной бомбы, которая только теперь стала известной?

Старик всегда был отчаянно независим, и на 91-м году жизни он сохранял ясный ум, острую память и быстрый русский, все еще окрашенный американским акцентом. В 1999 году его жена умерла, и когда у него начались проблемы с ногами, ему пришлось принять помощь родственников в Москве. Он уже почти ни с кем не общался и тихо умер 31 января 2006 -го, в 92 года, унеся в могилу свои тайны.

Исключительное стечение обстоятельств вывело Жоржа Абрамовича Ковалю из мрака неизвестности. Во-первых, в последнее десятилетие западные аналитики разведки и историки холодной войны начали пересматривать роль ГРУ, советского (а теперь российского) управ-

ления военной разведки, в развитии программы ядерного оружия СССР в 1940-х. Во-вторых, в 2002-м, российский историк Владимир Лота издал книгу «ГРУ и атомная бомба», которая должна все же быть переведена на английский язык. Она пересматривает деятельность разведчика ГРУ под кодовым именем Delmar, который, за исключением британского ученого Клауса Фукса, возможно, сделал больше, чем любой другой, чтобы помочь Советскому Союзу достичь своего внезапного, шокирующего ядерного паритета с Соединенными Штатами в 1949 году.

В связи с этим, в ноябре 2007 г. российский Президент Владимир Путин посмертно наградил Ковалю, который демобилизовался из Красной Армии еще в 1949-м простым рядовым солдатом, Золотой звездой Героя Российской Федерации, а затем публично назвал его Дельмаром. Личность разведчика была настолько засекречена, что и сам Путин, бывший офицер КГБ, вероятно, узнал о нем только в 2006 г., после того как увидел портрет этого человека на открытии музея ГРУ и спросил, удивленный: «Кто это?»

После того, как церемония награждения эффектно сорвала покров тайны с Ковалю, западные исследователи пересмотрели историю шпионажа времен холодной

войны, чтобы составить список его деяний в течение тех двух лет, когда он работал в сверхсекретных ядерных лабораториях в Ок-Ридже (Теннесси) и Дэйтоне (Огайо). Начиная с 1940-х, перехваченные советские каналы разведки помогли раскрыть таких шпионов КГБ, как Юлиус и Этель Розенберг и Гарри Декстер Уайт - старший чиновник Министерства финансов при Президенте Франклине Рузвельте, умерший от сердечного приступа вскоре после того, как его вызвали в штаб комитета по антиамериканским действиям в 1948 г. Но кроме как от Уиттэкера Чэмберса (Whittaker Chambers) – американского писателя, который сотрудничал с ГРУ в 1930-х, но стал ярким антикоммунистом и обвинителем при осуждении в 1950 бывшего представителя госдепартамента Альгера Хисса (Alger Hiss) из-за его коммунистических связей, «мы почти ничего не знали о масштабах разведывательной операции ГРУ против Манхэттенского Проекта, пока не всплыла информация о Ковале», - утверждает Джон Эрл Хайнс (Haynes), историк из Библиотеки Конгресса и авторитет в вопросах холодной войны.

Что может быть подтверждено на данный момент - из западных и советских архивов, документов ФБР, последующей преподавательской деятельности и интервью с оставшимися коллегами Ковалю и его родственниками в России – это то, что он за-

нимал идеальную позицию, чтобы добыть информацию об одной из самых важных частей бомбы, устройстве, которое инициирует ядерную реакцию. Это потребовало не только тщательного планирования, серьезного обучения и фантастического умения перевоплощаться, но также и поразительной везучести. «И в отличие от известных агентов КГБ,- замечает Хайнс, - Коваль был обученным агентом, а не американским гражданским лицом. Он был той редкостью, которую вы часто встречаете в художественной литературе, но крайне редко – в жизни – «спящим агентом». Агентом проникновения. Профессиональным офицером».

Что особенно огорчает, он родился в Соединенных Штатах. Исследователи узнали это только из книги Лоты. Теперь, после разоблачения Коваля, стало возможным проследить его путь от предательства родины назад, в город Сью-Сити, Айова.

Ее официальное название было Центральная Средняя Школа, но краснокирпичная Викторианская крепость в Городе Сью-Сити была более известна как Замок на Холме. Построенный в 1892, это был памятник – символ города на рубеже веков, когда Сью-Сити казался на пороге того, чтобы стать вторым Чикаго, центром культуры и торговли, который привлекал мигрантов с востока и иммигрантов из Европы и России.

В числе вновь прибывших было большое число торговцев и мастеров, которые быстро установили синагоги

и сформировали группы поддержки *chalutzim* («пионеры», на иврите), которые уже начинали обосновываться в месте, которое впоследствии станет Израилем. Другие привезли с собой некоторые из политических и идеологических настроений, тогда циркулировавших в их родных местах, включая коммунизм. Среди них был Абрам Коваль, плотник, который эмигрировал в 1910 из белорусского местечка Телехани, около Минска (так в тексте - ИВ). Он и его жена, Этель Шеницка-Коваль, воспитывали трех сыновей: Исаяю, рожденного в 1912; Жоржа, или Джорджа, родившегося в Рождество, 1913; и Габриэля, рожденного в 1919 - в удобном доме недалеко от Замка на Холме.

В 1950-х, когда ФБР собрало досье на Коваля после его побега, больше чем в тысячу страниц, соседи вспоминали, что молодой Джордж говорил открыто о его коммунистических убеждениях. В 1929, когда он закончил Замок в возрасте 15 лет, он был членом Общества Чести и лидером Дискуссионного клуба. (В том июне у него также была видная роль в классной игре : Ничего кроме правды).

После окончания школы Джордж изучал электротехнику в Университете Айовы в течение двух с половиной лет. Но время Великой Депрессии положило конец надеждам Сью-Сити стать вторым Чикаго, и Абрам Коваль собрал свою жену и сыновей, чтобы искать благосостояние в другом месте. Он был секретарем организации, известной как ICOR, аббревиатура на идиш Ассоциации для еврейской

Колонизации в Советском Союзе. ICOR был коммунистической организацией, которая функционировала как конкурент к надеждам возвращения сионистов на еврейскую родину на Ближнем Востоке, и именно в Советский Союз Ковали направились в 1932.

«У них было особое представление о патриотизме,» говорит Рональд Radosh относительно русских экспатриантов. «Коммунизм, возможно, был дурным сном, но это была мечта, у которой было преимущество в их глазах,» - добавляет Радосх (Radosh), соавтор (с Джойс Милтон) *The Rosenberg File* и ведущий исследователь советской разведки времен Второй мировой войны. «Это было, частично, наследство царского прошлого и погромов - царь был врагом евреев.»

Путешествуя с американским семейным паспортом, Ковали запланировали возвратиться в Минск, «но Советские власти не позволили им делать это,» говорит Майя Коваль, 28-летняя внучатая племянница Джорджа, проживающая в Москве. «Они были вынуждены остаться на Дальнем Востоке в так называемой Еврейской автономной области, которую Сталин организовал в 1920-х. Они обосновались в городе Биробиджане, около советской границы с Маньчжурией. В 1936, американец по имени Пол Новик (Novick), который издавал Коммунистический еженедельник на идиш в Нью-Йорке, посетил город и встретил Ковалей. Семья, как он утверждал своим читателям, «обменяла неуверен-

ность в жизни как маленькие владельцы магазина в Городе Сью-Ситина спокойную жизнь для себя и детей,» пишет в книге канадский политолог Генри Шребрник (Srebrnik) об ICOR и Биробиджане.

Работая в колхозе, Исая, старший сын Ковалей, стал ударником-трактористом и женился на еврейской девушке из Киева, у них родились три девочки и мальчик. (Он умер в мае 1987, в деревне около Биробиджана). Джордж, после улучшения своего русского языка в колхозе, был направлен на учебу в 1934 в Институт Химической Технологии Менделеева в Москве; там он познакомился и женился на Людмиле Ивановой, юной студентке, отцу которой принадлежала маленькая шоколадная фабрика в Москве. Пять лет спустя он получил диплом с отличием, а заодно и советское гражданство. Его брат Габриэль также учился в институте Менделеева, но был убит в августе 1943, будучи бойцом Красной Армии.

Неясно, как и когда ГРУ принял на работу Джорджа, но после того, как он получил свой диплом, он уехал из Москвы. «Я был призван в армию в 1939, чтобы оправдать мое исчезновение из Москвы,» - так Коваль позже напишет Арнольду Крамишу (Kramish), американскому ученому, с которым он поддерживал связь. «Я не имел военной подготовки и не служил как армейский офицер, никогда не принимал присягу и не носил униформу здесь.» Крамиш, которому теперь 86 и который проживает в пригороде Вашингтона, округ Колумбия,

после долгой карьеры в Корпорации RAND и Комиссии по ядерной энергии. Частично из профессионального интереса к советским ядерным программам, он восстановил контакты с Ковалем в 2000 и поддерживал контакт письменно и по электронной почте в последние пять лет жизни Коваля.

Одна деталь, которую действительно объясняет корреспонденция Коваля, - то, как он возвратился в Соединенные Штаты в 1940, даже при том, что его родители оставили свой американский паспорт: «Я прибыл в США в октябре 1940 в Сан-Франциско,» - написал он Крамишу. «Прибыл на маленьком танкере и вышел через контрольный пункт вместе с капитаном, его женой и маленькой дочерью, которая приплыла вместе с ним.»

Коваль направился в Нью-Йорк и, по словам Крамиша, встретился с резидентом ГРУ там. Явка находилась под прикрытием Raven Electric Company, поставщика Дженерал Электрик и других американских фирм, с двумя офисами на Манхэттене. Коваль говорил коллегам, что он родился в Нью-Йорке, был единственным ребенком и неженатым холостяком. Имея шесть футов роста, пристальный взгляд и артистическую внешность, Коваль произвел впечатление бейсбольного болельщика и компанейского парня. «Я не знаю никого, кто бы недолюбливал Джорджа,» - говорит Крамиш.

2 января 1941 - только спустя месяцы после того, как он прибыл в Соединенные Штаты, - Коваль зарегистри-

ровался на бирже, указав местом жительства Бронкс. Raven обеспечил его работой, дающей отсрочку в течение года, начиная с февраля 1942; согласно российскому историку Лоте, советские резиденты Коваля хотели, чтобы он добыл информацию о химических средствах, и полагали, что, если бы он был призван, то это помешало бы ему сделать это. Но отсрочка истекла, и 4 февраля 1943, Джордж А. Коваль был призван в армию Соединенных Штатов.

После начальной подготовки в Форте Дикс (Dix), Нью-Джерси, рядовой Коваль был послан на базу в Чарлстоне, Южная Каролина, чтобы присоединиться к 3410-й Специализированной учебной пересыльной части. И 11 августа того же года его направили в новое подразделение, Армейская Специализированная Программа обучения (ASTP). Один из его коллег там, Duane Weise, полагает, что Коваль получил особенно высокие показатели в армейском аналоге теста IQ. Так был сделан первый шаг Коваля к национальным ядерным лабораториям.

ASTP был основан армией в декабре 1942, чтобы предоставить академически талантливым военнослужащим неполное высшее образование и специализировала техническое обучение в колледжах и университетах по всей стране. Ковалю послали, чтобы изучить электротехнику в Городском университете Нью-Йорка (CCNY); его ныне живущие прежние товарищи по ASTP говорят, что он стал в некотором роде образцом

для подражания, даже иногда по-отечески опекал их. «В то время его одноклассники полагали, что не было лучшего человека, чем Джордж,» говорит Крамиш, который был также в программе. «Он был превосходен в каждом деле, чем бы он ни занимался.»

«Коваль был старше всех лет на 10, и действовал более здраво. Это было одной из его выдающихся черт,» вспоминает Крамиш. «Ретроспективно, мы понимаем, что были тайны, которые позволили ему выделиться. Например, Коваль никогда, казалось, не делал домашнюю работу. (Конечно, это было потому, что он уже был выпускником колледжа в Москве, хотя мы не знали это в то время.) Другой его талант помогал его корешам при вечернем отбое, соорудив из подушки и одеяла «спящие» тела. («Он был известен этим,» говорит Крамиш). И он курил свои сигареты так, что они почти обжигали его пальцы, поскольку он зажимал торец. («Это было очень отличительной восточноевропейской привычкой,» добавляет Крамиш, «о которой я никогда не знал, пока я не попал в Европу после войны.») Выжившие одноклассники Ковалья (которые в то время ничего не знали о его жене в Советском Союзе) также говорили, что он был дамским угодником.

86-летний Stewart Bloom другой стажер CCNY, вспоминает, что Коваль испытывал недостаток в Нью-Йоркском акценте. «Я всегда думал, что он был выходцем из Айовы,» говорит Bloom, уроженец Чикаго. Он пришел к этой мысли спустя почти десятилетие

после того, как война закончилась, когда агенты ФБР нашли его в Национальной Лаборатории Brookhaven на Long Island, где он тогда работал, чтобы расспросить о его прежнем коллеге.

Проект ASTP оказался недолгим. К концу 1943 только спустя несколько месяцев после того, как был призван в армию Коваль, война сделала крен в пользу союзников, и вооруженным силам потребовались побольше боевых единиц для заключительного рывка к победе. В начале 1944, была расторгнута программа, и большинство ее участников послали в пехоту.

Но не Коваль. Он, наряду с Крамишем и около дюжины других учащихся CCNY, был отобран для спецзадания, названного впоследствии Специальное Инженерное Отделение (SED). Это была часть Манхэттенского Проекта, секретное предприятие, которое объединило лучшие умы США, британских и канадских ученых, работающих в Соединенных Штатах, с целью проектирования и создания атомной бомбы.

К тому времени, когда Коваль присоединился к SED в середине 1944, ученые Манхэттенского Проекта создавали две различные бомбы. Одна была основана на известной и относительно простой технологии, которая потребовала редкой, обогащенной формы урана. (Именно такой изотоп был в бомбе, которая разрушила Хиросиму). Другая бомба должна была использовать плутоний - элемент, который не был выделен до 1941. Лаборатории Ок-Риджа были центральны-

ми по производству обоих типов бомб.

Коваль был направлен в Ок-Ридж. Там удача Ковалья стала развиваться как ядерная реакция: он был назначен «чиновником физики здоровья» (инженером по технике безопасности - ИВ), контролировал радиационный уровень всюду по производственной цепочке. Это, согласно данным ФБР, давало ему доступ к сверхсекретам. «Он был одним из очень немногих людей, у которых был доступ ко всей программе,» говорит Крамиш, который работал в одной из лабораторий Ок-Риджа. Однако, они видели друг друга достаточно часто. В августе 1944 Крамиш был переведен в Филадельфию (где он попал в аварию в лаборатории, в которой погибли двое сотрудников), но он возвратился в Ок-Ридж прежде, чем был назначен в Лос-Аламос, Нью-Мехико.

«Это, возможно, не было запланировано Советами или кем-то другим,» пишет ядерный историк Роберт S. Norris в «D.Koval, Manhattan Project Spy»-доклад, который будет представлен на конференции в Вашингтоне в этом месяце и опубликован в Журнале Исследований Холодной войны. «Скорее это был только удачный случай для ГРУ.»

Основанные на экспериментах, проводимых в Ок-Ридже и в другом месте, реакторы, которые могли произвести достаточно плутония для бомбы, были размещены в Хэнфорде, Вашингтон. Тем временем, ученые обнаружили, что произведенный из реактора плутоний был слишком нестабилен для бомбы,

что могло привести к неудаче. Нужно было придумать «инициатор», который помог бы плутонию достигнуть необходимой цепной реакции. Этим инициатором они выбрали изотоп другого редкого элемента, полония - который был также произведен в Хэнфорде и Ок-Ридже.

Согласно Лоту, Ковалю было поручено отслеживать полоний Ок-Риджа. Через советский контакт, известный под кодовым названием Клайд, Коваль передал производственную информацию об этом в Москву шифровкой через курьеров и дипломатическую почту через советское Посольство в Вашингтоне. Один важный факт: то, что полоний Ок-Риджа был передан в лаборатории Манхэттенского Проекта в Лос-Аламосе - где Клаус Фукс, так случилось, работал как советский агент.

«Fuchs передал действительно подробную информацию Советам относительно проекта бомб,» - говорит Дэвид Holloway, профессор истории и политологии в Стэнфордском Университете и ведущий авторитет по вопросам атомной гонки вооружений. Однако Коваль, он добавляет, знал, что polonium, получаемый в Ок-Ридже «играл определенную роль в создании бомбы,» - знание, которое помогло Советам установить связь между Ок-Риджом и Лос-Аламосом.

27 июня 1945, после почти года в Ок-Ридже, Коваль был переведен в сверхсекретную лабораторию в Дэйтоне, Огайо. Это, возможно, было его самым разрушительным размещением; именно там

инициатор на основе полония вошел в производство. Снова Коваль был назначен в группу контроля за безопасностью со свободным доступом ко всем частям установки.

16 июля инициатор прошел решающий тест: первая атомная бомба в мире взорвалась на участке под названием Trinitite в пределах диапазона бомбежки в Аламогордо, Нью-Мехико. Об этом взрыве Дж. Роберт Оппенгеймер, научный директор Манхэттенского Проекта, цитируя Bhagavad-Gita, сказал: «Я - смерть, которая станет разрушителем миров.» Это вселяло в американских поджигателей войны веру в необходимость бомбы, основанной на плутонии, в дополнение к урановой, имевшейся в их арсенале.

К тому времени Германия сдалась, но Япония еще действовала. Только три недели спустя, 6 августа 1945, урановая бомба была взорвана над городом Хиросима, убив 70 000 человек немедленно и еще 70 000 к концу года. И 9 августа 1945, точная копия бомбы Trinitite взорвалась над Нагасаки. Пять дней спустя японский Император Хирохито объявил о своем низложении.

После разрушения этих двух городов были широко распространены призывы к запрету на ядерное оружие. Соединенные Штаты и Советский Союз предложили международную систему контроля за ядерным оружием, которая никогда не была реализована. На самом деле, Советы усилили работу над программой атомной бомбы, которую они начали во время

войны. Уже 31 октября 1946 ЦРУ оценило возможность их успеха «где-то между 1950 и 1953»; через несколько месяцев оценка сдвинулась к 1953.

Но 29 августа 1949 Советы взорвали свою первую атомную бомбу на Семипалатинском полигоне в Казахстане. Устройство было плутониевым. Только в 2007 российские военные раскрыли один решающий фактор в том их ускоренном достижении: инициатор для той бомбы был «подготовлен по 'рецепту', предоставленному агентом военной разведки Delmar-Zhorzh Abramovich Koval,» как сообщила газета Министерства обороны Krasnaya Zvezda, когда Коваль получил свою Золотую Звезду.

В 1949, Президент Гарри Трумэн (Truman) спокойно информировал американскую общественность о Советских испытаниях. «У нас есть свидетельство, что в течение последних недель атомный взрыв произошел в СССР,» - заявил он 24 сентября, в послании из 217 слов, где не было упомянуто слово «бомба» или «оружие». «С тех пор, как атомная энергия была реализована человеком, возможное развитие этой новой силы другими нациями должно было ожидаться,» - сказал он. «Эта вероятность всегда принималась во внимание нами.» Негласно, однако, ядерные ученые, генералы и политики неистово дебатировали, должны ли Соединенные Штаты стремиться к контролю над вооружениями или следующими поколениями ядерного оружия. Трумэн

инициировал эти дебаты в январе 1950, когда он решил работы по созданию водородной бомбы. Ядерная гонка началась всерьез.

Учитывая, что Джордж Коваль использовал свое реальное имя, следовало бы удивиться, почему он не подпадал под подозрение служб безопасности уже в то время. (Klaus Fuchs был пойман после войны, вовлеченный в ту же самую группу перехваченных советских каналов, которые включали Розенбергов (Rosenbergs) и других. Фукс провел больше чем девять лет в британской тюрьме и затем эмигрировал в Дрезден, где он умер в 76 лет в 1988). Ученые и аналитики все еще пытаются узнать, почему Коваль остался нераскрытым.

Одна причина может быть в том, что Советы были американскими союзниками в это время, поэтому усилия контрразведки были сосредоточены на немецких агентах. Другая - конкуренция между разными группами, создавала помехи усилиям по слежке за участниками Проекта и мешала «исследовать» его ученых. Согласно Крамишу и другим, генерал Лесли Гровс (Groves), военный директор Манхэттенского Проекта, не доверял ФБР контролировать действия ученых, предпочитая полагаться на армейских контрразведчиков. Третья предпосылка состоит в особенностях военного времени: Союзники ставили научный талант выше, чем записи в метрике. «У людей, подобных Оппенгеймеру, были все виды сомнительных связей. На вопрос: «Что с этим делать?» - ответил Jon Lellenberg, от-

ставной политик и стратег из офиса секретаря Министра обороны. «Если Оппенгеймер (Oppenheimer) был столь же важным, как он казался, и столь же успешным, как он был, это, как считали, стоило немного политического риска ради программы.»

И наконец, это был вопрос времени: к 1949, когда Советы взорвали свою бомбу, Джордж Коваль уже уехал из Соединенных Штатов.

Его отъезд был нетороплив. Честно отслуживший в Армии в 1946, он возвратился в Бронкс и в CCNY. Он присоединился к Eta Kappa Nu, электротехническому братству, и получил степень бакалавра по электротехнике с отличием 1 февраля 1948. Несколько месяцев спустя, он сказал друзьям, что он думает об отъезде за рубеж, в Польшу или Израиль. Согласно Norris, Коваль получил американский паспорт для путешествия на шесть месяцев по Европе от имени компании под названием Atlas Trading. В том октябре он приплыл в Гавр на борту американского океанского лайнера, чтобы никогда не возвращаться назад.

Неясно, что побудило ФБР начать свое расследование о Ковале в середине 1950-х. В результате было собрано множество разрозненных документов, содержащихся в шести томах, которые включали типичные подробные интервью ФБР с друзьями Ковалья, родственниками и коллегами, большинство из которых были сильно отредактированы. В то же время расшифровки текстов стенограмм дают не-

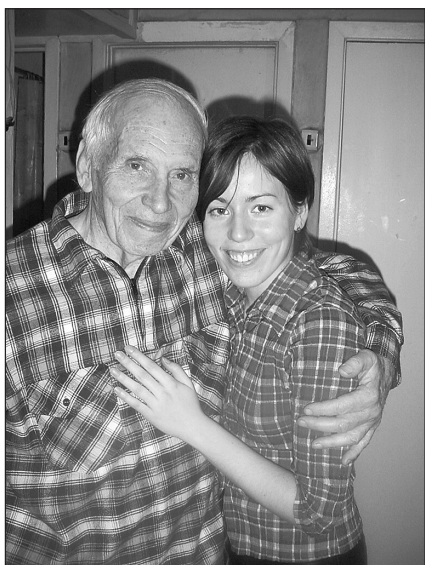
сколько намеков на местонахождение Ковалья после того, как он уехал из США. Открытка из Аргентины, сообщения из Парижа - но они не дают никаких заключений о его действиях или побуждениях.

В следующие десятилетия Крамиш пытался найти своего старого армейского друга, даже после того, как он понял из своего интервью ФБР, что Коваль был шпионом. Приблизительно в 2000, рассказывает Крамиш, он работал в Национальных Архивах, и «интуитивной прозорливостью» сталкивался с некоторыми ссылками на Ковалья и Менделеевский Химический Институт. Крамиш связался с институтом и получил его номер телефона. Крамиш позвонил, и Коваль ответил. «Это был очень эмоциональный момент для нас обоих,» - говорит Крамиш. Они начали переписываться по почте, а затем внучка Ковалья убедила его использовать электронную почту.

Послевоенная жизнь Ковалья в России была очевидно беспрецедентна. «Я боюсь, что Вы будете разочарованы узнать, что я не получил высоких вознаграждений после своего возвращения,» - написал он Крамишу в мае 2003. «Жизнь в Советском Союзе была такова, что мои действия вместо того, чтобы принести мне вознаграждения, имели наоборот очень сильный отрицательный эффект на мою жизнь.» Когда он демобилизовался из советских вооруженных сил в 1949, писал он, - «я получил документы рядового необученного - и это после 9 лет службы в вооруженных силах!» Эта

невеселая запись, вместе с академическим и иностранным прошлым «сделала меня очень подозрительной фигурой,»- писал он, особенно в обстановке иницируемой правительством антисемитской кампании на ее пике в начале пятидесятых. «Он искал работу как исследователь или преподаватель, но «никто не хотел рискнуть нанять меня» – отчасти полагая, что кто-то с его анкетными данными мог бы оказаться американским шпионом.

Он попросил свой контакт в ГРУ помочь ему найти работу - «единственный раз, когда когда-либо делал это.» Контакт сработал - но, как писал Коваль, «даже поддержка Министра образования ничего не принесли лучшего, чем должность лабораторного ассистента.» Это было в Институте Менделеева. В конечном счете, он посвятил свою жизнь преподаванию там. Согласно давнему коллеге по институту Менделеева, Юрию Лебедеву, иногда студенты хихикали над Ковалем, когда он произносил русские слова, такие как «термопара» и другие технических термины

с американским акцентом. Лебедев говорит, что Коваль совершал частые поездки в Хабаровск, чтобы увидеть родственников и, в 1966, забрал племянника Геннадия в Москву, чтобы тот жил с ним и учился в Менделеевке.

Внучка Майя (дочь Геннадия –ИВ, см. фото), маркетинговый менеджер коммуникаций, переехала, чтобы жить с Ковалем в его московской квартире за четыре года до его смерти. «Джордж был главой нашей семьи, мудрый и очень, очень любезный,»- сказала она в интервью по электронной почте. «Мы восхищались его интеллектом, его знанием и его чувством такта. Мы знали о его работе для ГРУ. Без каких-либо деталей - мы только подозревали, что это было так или иначе связано с ядерной бомбой, только это. Джордж никогда не говорил нам о его работе. Это было запрещенной темой.»

В течение десятилетий преподавательской работы Ковалья в Москве тот факт, что его служба родине была непризнана, терзал его. В 2003 он написал Крамишу, что он получил незначительную медаль после того, как он возвратился в Россию, но большие награды «пошли к профессиональным дипломатам.» Фукс тоже «получил вознаграждение не очень высокого уровня (и был недоволен этим), только когда он был уже освобожден и работал как физик в Восточной Германии.» И «только весьма недавно, когда Лота начал копаться в архивах и обнаружил там мою историю и вытащил ее на свет, я был представлен

к редкой награде за службу в иностранной разведке и получил ее на закрытой церемонии.»

Однако, несмотря на некоторое пренебрежение к нему и его нелегкое возвращение к советской жизни, Джордж Коваль закончил свое электронное письмо на стоическом примечании: «Возможно я не должен жаловаться (да я и не жалею, а только описываю тогдашнее положение вещей в Советском Союзе), но надо быть благодарным, что я не оказался в Гулаге, как это вполне могло случиться.»

До конца он оставался непримиримым в отношении измены относительно страны его рождения. Его коллега по ASTP Duane Weise, оглядывающийся назад к цепи удач Ковалья, предлагает теорию, что он был фактически двойным агентом. «Это - только гипотеза, но есть слишком много совпадений,»- говорит Weise. Крамиш, однако, видит вопрос более непосредственно: «Коваль никогда не имел никаких сожалений,»- говорит он. «Он верил в систему.»

Майкл Уэлш (M. Walsh), курировал Советский Союз и Восточную Европу для Time magazine и других СМИ США с 1985 до 1991.

Перевод с английского выполнен студентками РХТУ Кудашевой Зариной (Ф-25) и Кузнецовой Татьяной (О-63)

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Орган комитета ВКП(б), ВЛКСМ, профкома и дирекции МХТИ им. Менделеева

№ 25 (95)

23 ноября 1934 г.

Цена 5 коп.

„Сильная и мощная диктатура пролетариата, вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять врах последние остатки умирающего класса и разбить их воровские махинации“.

(СТАЛИН)

МОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Я хорошо знаком с американским университетом и с тем большим интересом вступил в советский институт.

Я видел, что американский университет превратился в дом развлечений.

Учеба там только предлог для сближения, на студента, желающего учиться, смотрят свысока. На фоне роскоши, в которой живут богатые американские студенты, особенно ярко подчеркивается нищета студентов, выходцев из рабочего класса. Окруженные презрением высших слоев, прозябающие в подвалах и чердаках, они голодают, работают уборщиками и судомойками в ресторанах, исполняют любую работу, чтобы иметь возможность учиться, платить за жилище и книгу.

Я хорошо видел то резкое различие, от которого страдают евреи, итальянцы, китайцы и особенно негры в американских университетах. Уклад жизни в СССР является резким контрастом с жизнью в Америке.

Случается, что проучившись 4—5 лет люди превращались в бродяг за неимением работы. Поступив в институт МХТИ, я был поражен организованностью постановки учебы, стремлением сделать «наших ин-

женеров лучшими в мире».

Правительство заботится о быте студента: стипендия, благоустроенное общежитие и хорошее питание — это немислимо в условиях США. Учеба организована так, чтобы студенты имели все материальные предпосылки для продуктивной работы.

В СССР студент — это человек, пришедший учиться, борющийся за овладение наукой и техникой. Особенно поразило меня отношение к нацменам, которым предоставляются особые льготы при поступлении и в течение учебы, отношение к которым особенно чутко и внимательно.

Пожалуй, самое приятное впечатление оставляют товарищеские отношения между студентами. Совершенно неожиданно для меня, что студенты товарищески помогают друг другу в учебе. И все-таки наша жизнь не такая, какой она должна быть. Я считаю, что мы могли бы жить интересней и полней, если бы ходили коллективно в театры и на выставки, коллективно проводили свой досуг. Мы мало помогаем отстающим, такие студенты, как Ермакова, Шульгина, Черкасская, Юровская, Мордкович могли бы хорошо работать. Я берусь помогать тов. Ерма-

ковой и вызываю т. Кесслер, Иванову, Наумову, Воротову последовать моему примеру и взять на буксир отстающих товарищей.

КОВАЛЬ

«Московский технолог»

№25/1934 г.

НЕОБЫЧАЙНОЕ СОБРАНИЕ

17 октября происходило необычайное собрание, первое в истории нашего института. Профком общетехнического ф-та собрал лучших своих людей - отличников учебы.

В дружеской беседе принимал участие треугольник института, профессора Макаров-Землянский, Хладовский, Зернов, Муравьев, доцент Чичинадзе и др.

Отличники учебы собрались, чтобы поделиться опытом своей работы, услышать от своих учителей о том, как учились они, обсудить животрепещущие вопросы, выдвинутые статьей проф. Юшкевича.

«Такое удивительное собрание возможно только в СССР. За границей между студентами и профессурой стоит стена»- взволнованно говорит отличник, студент 3-го сем., американец тов. Коваль...

В. Балкевич

МТ № 21/1935 г.

Коллектив кафедры ОХТ 1957 г.

1 ряд: Анна Петровна .....?, Ефимова Н.М., Маркова (Стойкова) А.М., Новоселова Е.П.

2 ряд: .....?, Фурмер И.Э., Лукьянов П.М., Кузнецов Д.А., Зубова И.Е.

3 ряд: Грачев В.И., Малахов А.И., Коваль Ж.А., Тужилкин И.М., Бояркин П.И.

